Подається російською мовою!

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.

Воспоминания

По утрам обычно мать будила меня ласковым голосом, прикасаясь к плечу. В этот раз подняла рывком и поставила на ноги. Я никак не мог проснуться, ноги подгибались, но она вновь ставила меня, что-то бессвязно и ласково говорила со слезами в голосе. Руки у нее тряслись, и ей никак не удавалось натянуть на мою вялую руку рукав вельветовой тужурки.

В комнате тускло горела керосиновая лампа. Громыхали сапоги, раздавались грубые нетерпеливые голоса. Я уловил оружейный запах, который любой мальчишка смог бы определить после трех с половиной лет оккупации. За окнами еще было черно, и я никак не мог понять, кто пожаловал к нам в такую рань.

Мне едва исполнилось пять, и люди в военной форме для меня все были на одно лицо. Своих врагов я научился узнавать по выражению лица мамы и бабушки. Потом дедушка объяснил, что у наших солдат на пилотке или фуражке обязательно бывает звездочка.

У солдат, которые к нам пришли, на пилотках были звезды. Но почему так суровы их лица, и так растерянны и перепуганы мама с бабушкой? И дедушка сидит на табурете, бледный, прислонясь к стене. У него, наверное, опять прихватило сердце. С ним это случается после контузии, полученной еще в первую империалистическую.

Мне трудно было понять происходящее еще и потому, что всего несколько дней назад я видел своими глазами, как фашисты удирали, бросив на окраине деревни батарею, не успев сделать ни одного

выстрела. А через час или полтора в нашу деревню Буюк-Актачи вступили передовые части советских войск. И по дороге, ведущей к Сакам, пошли машины с прицепленными к ним пушками и сидящими в кузовах бойцами. Как раз вокруг пышно цвела сирень, и степь, изрытая воронками и траншеями, пестрела цветами. Вдоль дороги толпились жители деревень, кидали охапки цветов в кабины и кузовы машин и прямо под колеса. Солдаты улыбались, махали руками, что-то кричали, ловили грозди сирени, прижимали к лицу. Иногда кто-нибудь на ходу соскакивал на землю, подбегал к толпе, узнав кого-то из близких — мать, жену, сестру или просто знакомых — начинались объятия, слезы; через мгновение, с трудом вырвавшись из объятий родных, солдат бежал к ожидающей его у обочины машине.

А эти, совсем не улыбчивые — не свои, чужие?

— Именем Советской власти!.. За измену Родине!.. Пять минут на сборы! Собирайтесь! Брать не более двадцати килограммов на человека! Живо, живо!..

Маму и бабушку я никогда прежде такими не видел. Хотя нет, у них был такой же потерянный вид в то страшное утро, когда пришли гестаповцы забирать моего отца. Это было всего год назад. Я все отчетливо помнил.

Я не доставал до рукомойника, и мама сама умывала меня в то утро на кухне. Едва намылила лицо, как дверь загромыхала, грозя слететь с петель. Мать метнулась в прихожую, но там уже было полно гестаповцев, которые внушали ужас одной своей формой. Ее оттолкнули, вошли в комнату, где уже несколько дней лежал с высокой температурой отец.

Мне защипало глаза от мыла, я никак не мог дотянуться до рукомойника. Бабушка быстро ополоснула мое лицо, и я кинулся в комнату. Отца уже выводили, поверх нижнего белья у него было

накинуто пальто. Он подхватил меня и прижал к груди, я щекой ощутил щетину на его лице. Кто-то рванул меня из его рук и швырнул на пол, я больно ударился о нижний угол сундука..

Да, в то утро мама и бабушка были в точности так же перепуганы. Еще бы: у тех, кто явился, на тульях фуражек были череп и скрещенные кости.

А эти в пилотках и на них красные звезды!..

С улицы доносились голоса команды и плач женщин, выли собаки, как перед землетрясением, грохали выстрелы, и собаки, заскулив, затихали.

Мама попросила разрешения выкопать в саду чемодан. Хорошо, что вспомнила про него. Перед самым приходом немцев отец закопал в саду чемодан со своими рукописями и фотографиями родственников, друзей, из-за которых нам могло очень не поздоровиться, попади они на глаза фашистам. Моего отца, Османа Амита, хорошо знали в Крыму. Он был поэтом. Кроме того, переводил на родной язык русскую и украинскую классику. В его переводах крымско-татарские читатели знакомились с произведениями А.С. Пушкина, И.С. Крылова, Т.Г. Шевченко, М.Ю. Лермонтова. В 1941-м должен был выйти новый сборник собственных стихотворений и поэм отца, но помешала война. Книга так и осталась в рукописном варианте. В чемодане находились и отдельные главы из поэмы "Сеит-оглу Сейдамет", над которой отец работал несколько лет и мечтал закончить после войны. Мечте его не суждено было осуществиться. После многодневных пыток в застенках гестапо г. Саки поэт Осман Амит был казнен.

Солдат, к которому мать обратилась с просьбой вышел в коридор, посовещался с капитаном. Ей разрешили выкопать чемодан.

Место, где был спрятан чемодан, она знала только приблизительно, видела в окно, когда отец закапывал его между деревьями, но взяла лопату и поспешила в сад в сопровождении солдата и капитана...

Некоторые подробности того кошмарного утра мне стали известны значительно позже, но, думается, рассказать о них уместнее здесь. Несколькими часами раньше, едва перевалило за полночь, бабушка проснулась от осторожного постукивания в окно. Открыв дверь, она узнала майора, накануне квартировавшего в нашем доме. Он проскользнул в прихожую и торопливо заговорил шепотом: "Я многим рискую, но не могу не предупредить. Если об этом узнает мое начальство, не сдобровать ни мне, ни вам. Так вот... — он замялся, отведя в сторону взгляд, ему не просто было произнести такое: — Утром вас всех будут выселять. Так что упаковывайте побыстрее самые ценные вещи. У Джанкоя погиб мой друг, спасая мне жизнь. Он был из этих мест. Сердце ноет, когда думаю про его родных. Ни о чем не спрашивайте! Ничего больше не скажу. Прощайте!" — и ушел, растворясь в темноте.

Бабушка разбудила деда. Он был человеком религиозным. Подумав, сказал: "Такого не может быть, Аллах не допустит. Да и зачем нас куда-то выселять?.."

Они долго сидели, не зажигая лампы, и молчали. Боялись произнести вслух, о чем думали. Могильной жутью веяло от слов майора: "Утром вас всех будут выселять". Еще совсем недавно изгонялись фашистами евреи и цыгане. Их вывозили, а потом всех поголовно расстреливали.

Бабушка принялась перебинтовывать руки. У нее были опалены брови и ресницы.

В тот день, когда фашисты, побросав все, бежали из Буюк-Актачей, жители прятались по закуткам, боясь попасться им на глаза.

Мы отсиживались в школьном погребе с двумя другими многодетными семьями, жившими поблизости. Бабушка вдруг почувствовала запах гари и выбралась наружу.

Машины с немцами выезжали со двора, отставшие догоняли их, на ходу карабкались через высокие борта. Из окон школы, где они устроили казарму, валил дым. Бабушка, заведовавшая этой школой более двадцати лет, бросилась туда.

Фашисты, уходя, разбросали по всему помещению, которое прежде было классом, соломенные матрацы и выгребли на них из печи жар. Огонь переполз с матраца на матрац, начал гореть пол, языки пламени уже лизали подоконники. Бабушка, задыхаясь от дыма, стала хватать горящие матрацы и выбрасывать в окна, сбивать пламя подвернувшейся под руку немецкой шинелью.

Грозный окрик заставил ее обернуться. Сквозь дым она увидела фашиста, расстегивающего кобуру. Но едва он направил на нее, остолбеневшую, наган, как за ним вдруг возник другой, офицер, и как ни странно, схватил первого за руку, громко отчитывая и пытаясь вытолкать. Хлопнул выстрел, пуля ушла в потолок. Офицер выпихнул напарника из школы, они пробежали, пригибаясь, под окнами и исчезли.

Обеспокоенный долгим отсутствием бабушки, вылез из погреба дед. Они вдвоем спасли школу. Когда вернулись в погреб, черные от копоти, мы испугались: у бабушки обгорели руки, лицо.

Все это время, когда в родном Крыму уже не осталось ни одного врага и люди стали привыкать к тому, что не слышно нигде выстрелов, бабушка жила мыслью, от которой становилось светло на душе: вот минует лето и дети Буюк-Актачей опять соберутся в школе.

Когда чуть забрезжил рассвет, дед вышел на улицу и через несколько минут вернулся. "Что-то, видимо, будет, — сказал он. —

Деревня оцеплена солдатами. Я не успел выйти, а мне сразу: "Назад! Стрелять буду!.." Ничего не понимаю".

А в половине шестого постучали в дверь.

Даже заранее предупрежденные бабушка и дед не могли решить, что с собою брать.

— Ну, что вы стоите? Время же идет! — сказал один из солдат, и в его голосе вроде бы даже прозвучало сочувствие: — Хлеб в доме есть? А мука? Что в дороге будете есть?..

Их было двое, этих солдат. Пока мать искала зарытый в саду чемодан, они содрали со стены ковер, опрокинули в него содержимое сундука, связали веревками крест-накрест, подняли вдвоем и потребовали: "Выходите!"

Подталкиваемый в спину солдатом приблизился к машине, с которой разносились крики, плач, Абульваап-акай, семидесятилетний старик. Он нес, прижимая к груди, несколько печных железных труб. Еще в начале войны он получил известие о гибели единственного сына. Год назад от тифа умерла его невестка, благодаря которой он до той поры и жил на этом свете. Четырехлетнего внука забрал кто-то из ее родственников в соседнюю деревню. Один остался Абульваап-акай, как перст один.

— Совсем тронулся старик! — засмеялся солдат. — Я ему: "Возьми пожрать что-нибудь!", а он какой-то драный коврик для молитвы под мышку сует. Я коврик выкинул, он за эти трубы... Ну, и хрен с тобой, думаю...

Трубы у старика тоже отобрали и зашвырнули подальше, а самого подсадили в кузов, уже битком набитый людьми.

Бабушка и дед замерли, прижавшись друг к дружке, на узле. Я расположился на коленях у деда. Он крепко держал меня, будто боялся, что потеряет. Мне на шею капнула его слеза.

Рядом с нами пристроилась на корточках в углу глубокого кузова Капье-апте, прижимая к себе двух малышей, и отрешенно глядела перед собой. О чем она думала? Скорее всего о муже и четверых своих сыновьях, которые в это время были на фронте. Она еще не знала, что из них вернется только один, ее средненький, Сервер, покалеченный, но при орденах. Но сможет пробыть с ними всего час или два...

Солдаты неистово ругались. Нам и невдомек было, что стоим из-за моей мамы.

А она тем временем искала чемодан. Капитан поглядывал на часы, нервничал, начал уже ругаться: "Скорее, скорее! Тебя вся колонна ждет!" Она копала здесь, копала там, наконец, лопата легко вошла в рыхлую землю. Полсада разрыла, пока нашла то, что искала. Чемодан истлел, пролежав в земле три с половиной года. Когда капитан его вырвал из рук матери, он развалился, посыпались листы бумаги, книги, фотографии. Капитан разворошил все это ногами, но не найдя ничего ценного, закричал: "Из-за этого ты, сука, дурила нам голову?!" Мама соскребла бумаги в кучу, запихнула их вместе с землей в чемодан. Вернуться в дом ей уже не позволили, и она в обнимку с чемоданом направилась к машине.

Нас привезли в Саки на вокзал, куда согнали выселенных из города и близлежащих деревень. Погрузили в товарные вагоны, которые не удосужились даже подмести после того, как возили скот. Нестерпимо пахло навозом и мочой. Справа и слева от входа были сколочены широкие нары. нам повезло: досталось место наверху, ближе к окошку, перевитому колючей проволокой. Сюда проникал свежий воздух, и дышалось легче. Внизу, на полу, под нарами и на нарах тоже сидели, тесно прижавшись друг к дружке, люди. Если кому-то надо было куда-то пройти, приходилось перешагивать через других.

Дверь со скрежетом захлопнулась. Стало темно. Поезд тронулся...

...Так была запущена машина по уничтожению стариков, женщин, детей. Никто не знал, куда их везут, зачем. Никто даже не удосужился ознакомить народ с Постановлением ГКО от 11 мая 1944 года, по которому крымско-татарскому народу, как этносу, по существу был вынесен смертный приговор. Кто-то решил, что приговоренным не обязательно знать его, важно, чтобы знали исполнители.

Входили в ГКО те, кому не привыкать было изобретать подобные приговоры: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, А.И. Микоян. Выселение осуществлялось войсками НКВД под непосредственным руководством Берии и его ближайших помощников Кобулова и Серова.

За время оккупации, длившейся более трех лет, тысячи трудоспособных крымских татар были угнаны в Германию, а часть населения истреблена гитлеровцами. Оставшиеся в подавляющем большинстве были женщины, дети, старики, не пригодные к строевой службе. Приведем для сравнения данные о половозрастном составе 188 тысяч крымских татар, депортированных 18 мая 1944 года по постановлению ГКО. Примерно 50 процентов из них составляли дети до 16 лет, 35 процентов — женщины, и лишь 15 процентов (т.е. около 28 тысяч) —мужчины, включая стариков, инвалидов, бывших партизан и партийно-хозяйственный актив, успевший возвратиться в Крым из эвакуации для восстановления Советской власти...

...На станциях больших городов двери вагонов не открывались. Перед составом прохаживались часовые с автоматами. Случалось, два битком набитых состава останавливались рядом на параллельных путях. Господи, что творилось тогда у крошечного вагонного окошка! Каждому хотелось пробраться к нему, чтобы, в кровь исцарапав о колючую проволоку руки и губы, прокричать в пространство: "Какой райо-он?.. Какая деревня-а-а?!"

Строгий оккупационный режим не позволял людям свободно ходить из деревни в деревню. Люди стосковались по близким. Дождавшись освобождения, родственники ринулись друг к другу справиться, кто как пережил оккупацию, кто жив, кого не стало... Выселение настигло людей не дома, а на пути и в гостях — так настигает человека стихийное бедствие, землетрясение, оползень, буря, извержение вулкана. Кто искал мать и отца, кто — детей, а кто брата, сестру... Из стоящих рядом вагонов неслись те же вопросы, крики, мольбы, плач.

Люди с трудом слышали друг друга.

Двери вагонов открывались обычно на полустанках, где поезд стоял несколько минут. Задыхающиеся люди жадно глотали свежий воздух. расступались, чтобы вдохнули его и больные, которые не могли подползти к выходу. А вдоль вагонов торопливо шагал офицер в синей фуражке с солдатами и, заглядывая в вагон, задавал один и тот же вопрос: "Трупы есть?.. Трупы есть?.." И не было случая, чтобы из вагона кого-то не вытаскивали: чаще всего старого человека или ребенка. Его тут же, в трех-четырех метрах от железнодорожной насыпи, расковыряв ложбину, забрасывали песком и щебенкой. А чаще всего и этого не успевали сделать. Поезд трогался. Труп оставляли у дороги. Обезумевших от горя родственников с трудом отрывали от него, пинками и прикладами загоняли в вагон.

В нашем вагоне первым умер Абульваап-акай. С того момента, как мы отправились в путь, он не взял в рот ни крошки, люди предлагали ему и сухарик, и сушеный сыр, и семечек. "Не отрывайте от своих детей, им надо жить, а мне уж ни к чему..." — говорил он и отталкивал дающую руку. Его оставили на обочине.

Много времени спустя я услышал, что его дошедший до Берлина сын вернулся после Победы и отыскал в чужой стороне своих односельчан. Ему рассказали, как умер его отец и где был оставлен. Говорят, он поехал на тот полустанок и несколько дней ходил с мешочком вдоль путей. И если ему попадалась какая-то кость, он, думая, что это кость

его отца, бережно поднимал. Он выкопал могилу и похоронил кости, которые собрал.

Часто на больших станциях кто-нибудь стучал в дверь и, рассчитывая на милосердие прохаживающегося напротив солдата, просил открыть ее, чтобы сбегать за водой, но у солдата была инструкция. В ответ неизменно слышалось: "Молчать, продажная шкура!" Или: "Заткнись, предатель!"

"Почему он нас так называет, оджапче 1? Что мы такого сделали?" — обращались односельчане к моей бабушке.

Бабушка и мама были единственными образованными людьми в вагоне. Они учительствовали в Буюк-Актачинской школе. Бабушка получила образование еще до революции, владела французским, играла на фортепиано, гитаре. С помощью мамы она до войны организовала в деревне прекрасный кружок художественной самодеятельности. Создали свой оркестр. Благо, музыкантов искать не приходилось. Трудно было найти татарскую семью, в которой никто не играл на каком-либо инструменте. Скрипка, кларнет, бубен, флейта, труба были наиболее распространены. В сельском клубе молодежь пела, танцевала, ставила пьесы Чобан-Заде, Ильяса Тархана, небольшие инсценировки о нерадивых по басням И.С. Крылова, переведенным на крымско-татарский язык моим отцом.

Вот и сейчас люди тянулись к моей бабушке, спрашивали: "Какие же мы предатели, фера-оджа? Разве мы не построили у себя Советскую власть? Разве теперь не отдали своих сыновей, чтобы они ее защищали?.."

Бабушка, наверное, впервые не находила ответов на их вопросы...

1 Оджапче — учительница.

... Кто-то могущественный уже давно вынашивал черные планы относительно крымских татар. С конца тридцатых годов все настойчивее стали подчеркиваться именно негативные стороны взаимоотношений Крымского ханства со славянскими народами, муссировалась мысль о набегах татаро-монголов на Русь, об угоняемых ими русских людях, пополнявших невольничий рынок в Кафе, но ни словом не упоминалось нигде о том, что завоеватели продавали на том же рынке самих крымцев (именовавшихся в русских летописях кипчаками, половцами, куманами). Захватив в 1239 году Крым, монголы пленили 12 тысяч крымских джигитов. Через генуэзских торговцев-пиратов они были проданы султану Египта. И тот, учтя воинские способности этих джигитов, создал из них гвардию. И во второй половине XШ века власть в Египте переходит в руки выходцев из Крыма (мамлюков). Их военачальник Бейбарс, родом из Солхата, провозглашает себя султаном. В Египет бегут многие крымцы от гнета Золотой Орды. С этого времени начинается развитие и процветание на египетской земле крымско-тюркского (куманского) языка и литературы, которое длится более трех веков.

"...Из нынешних крымских, казанских, оренбургских татар едва ли есть один человек, происходивший от воинов Батыя. Нынешние татары — потомки прежних племен, живших в тех местах до Батыя и покоренных Батыем, как были покорены русские. Пришельцы-завоеватели все исчезли, все были истреблены ожесточением порабощенных", — писал Н.Г.Чернышевский. Современная наука говорит о том, что "в процессе формирования крымских татар приняли участие не тюркоязычные — тавры, скифы, античные греки, сарматы, аланы, византийцы, готы — и тюркоязычные предки — гунны, тюрко-булгары, хазары, печенги (IV-IX вв.), половцы, кыпчаки и золотоордынские племена (XI-XVI вв.)".

Однако было, видимо, в чьих-то интересах не замечать разницы между завоевателями-монголами и покоренными ими племенами, за которыми впоследствии было закреплено название (не самоназвание! — Э.А.) "татары". После образования "Золотой Орды" на Руси татарами

стали называть все тюркские племена, населяющие Причерноморье, Кавказ и Среднюю Азию. И в 30-е годы кто-то ловко пользовался этим, чтобы разжечь неприязнь между славянским и тюркоязычным населением юга России, изымая из памяти народной века тесной дружбы и родства крымцев и русичей. Не заглядывая в глубь тысячелетий, вспомним хотя бы факт участия крымцев в русско-французской войне начала XIX века. В 1806, году мусульманское население Крыма во главе в муфтием Муртазой Челеби и мурзами Прошением, поданным на Высочайшее имя через бывшего тогда Таврического губернатора Дмитрия Борисовича Мертваго, изъявило желание выставить нужное число конных полков на своем иждивении для защиты Отечества.

Император Александр 1, милостиво восприняв прошение, Высочайше повелел указом за № 2272 "разработать четыре конных полка из крымских татар, по образцу казачьих". Сформированные полки получили названия уездов, население которых представляли. Таким образом в марте 1807 года были созданы Симферопольский, Перекопский, Кезлевский (Евпаторийский), феодосийский полки.

До открытия военных действий крымско-татарские полки находились на прусской границе, а в 1812 году, с началом Отечественной войны, принимали участие во всех сражениях в составе корпуса атамана Платова и особо отличились в Бородинской битве. Полки эти в составе русских войск дошли до Парижа...

Революция на территории Крымского полуострова в силу особых социально-политических условий произошла несколько позднее, чем в России, в январе 1918 года. Однако рабоче-крестьянское правительство в Крыму просуществовало всего 75 дней. Под натиском немецких интервентов и белогвардейцев большевики оставили Крым. Республика Таврида пала. Начался белый террор. Большую подпольную работу вел тут до марта 1919 года брат Ленина — Дмитрий Ильич Ульянов. Ему удалось сколотить спаянную большевистскую группу из образованных татарских деятелей, в которую входили Али Бадаиинский, Досмамбет

Аджи, Селим Меметов, Сулейман Идрисов, Осман Халилов, Халил Тынчеров, Исмаил Арабский, Умер Тархан, Якуб Тархан и другие. В начале 1920 года в Симферополе было организовано "Мусульманское коммунистическое бюро" при подпольном Крымском Окружном комитете РКП/б/. В самый напряженный период подготовки к вооруженному восстанию против врангелевского режима в Крыму по доносу провокатора поручика Сурина подпольная организация была раскрыта. Шестеро ее руководителей были казнены, остальные отправлены на каторгу. В это же время в Алуштинском и Судакском районах активно действовал, уничтожая врангелевцев, татарский полк Крымской повстанческой армии, сформированной знаменитым партизанским командиром Османом Деренайырля. Когда М.В.Фрунзе в ноябре 1920 года штурмовал Перекоп, Деренайырля ударил по белогвардейцам с тыла.

18 октября 1921 года Всероссийский Центральный Комитет и Совет Народных Комиссаров принял постановление "Об образовании Крымской Автономной Советской социалистической республики". И подписал его В.И. Ленин. Приветствуя принятие постановления, газета "Жизнь национальностей" писала: "...Нельзя было без внимания оставить то важное обстоятельство, что самая компактная часть крымской деревни — татары, составляющие вместе с немногочисленным пролетариатом городов базу советской власти в Крыму... Это наряду с Азербайджаном и Туркестаном еще один ярко вспыхнувший маяк, которому суждено притянуть к себе все лучшие стремления и чаяния многонационального Востока. ...Крымская республика — это закрепление максимума автономных прав и инициатива для широких трудовых масс коренного населения в деле культурного экономического возрождения" (25 окт. 1921 г.).

По конституции Крымской АССР государственными языками республики принимаются татарский и русский.

За короткое время трудящиеся Крыма, основную часть которого составляли крымские татары, добились немалых результатов. За успехи

в сельском хозяйстве, обеспечившие экономический подъем колхозов и совхозов, а также выполнение обязательств перед государством Крымская АССР 3 января 1934 года одной из первых в стране была награждена орденом Ленина. Потом были 1936-1938 годы, трагические для всех народов страны, войны — с финнами и гитлеровцами...

Но люди, отправленные в неизвестность, под стук колес думали не о прошлом, а о том, что ждет их впереди. Матери, отцы, сестры, жены, дети советских воинов, сражающихся в это время с фашистами, мучительно размышляли, почему их обзывают "продажными шкурами". Не было ни одной семьи, из которой кто-нибудь не был на фронте. И всем хотелось верить, что произошла чудовищная ошибка, что скоро о ней, об этой ошибке узнает дорогой товарищ Сталин, отец народов, разберется и прикажет возвратить всех обратно. И не один из едущих порывался написать и писал письмо "дорогому вождю".

О чем же они писали? Конечно, об активном участии крымских татар в партизанском движении. В книге "Крым", изданной в 1943 г. политическим управлением Черноморского флота, сказано: "...подавляющее большинство крымско-татарского народа, изнывающего под ярмом проклятого "нового порядка", сопротивляется немецким захватчикам". А газета "Красный Крым" от 18 февраля 1944 года сообщала, что за оказанное сопротивление и помощь партизанам оккупантами сожжены "десятки татарских деревень, а сотни и тысячи крымских татар казнены". Да, это действительно было так и многие тысячи крымских татар продолжали сражаться против фашистов на фронте. В сводках военных лет не раз упоминались имена легендарного военного асса, дважды Героя Советского Союза Амет-хана Султана, Героев Советского Союза А. Решидова, С. Сеитвелиева, Т. Абдуля, У. Абдураманова, кавалеров орденов Славы трех степеней Б. Сеттарова, С. Абдураманова, Н. Велиуллаева, М. Караева, М. Реизова, генералов Исмаила Болатова, Аблякиа Гафарова. А в это время их семьи, изнывая от жажды и голода, обзываемые "продажными шкурами", в темных смрадных вагонах ехали в неизвестном направлении. Письма с дороги писали "отцу народов" командиры и комиссары партизанских отрядов А.

Аединов, С. Менаджиев, М. Мамутов, Н. Билялов и многие другие. Они сообщали, сколько их земляков было в отрядах и как они воевали, а с теми, кто пошел в услужение к фашистам, они расправились сами.

Двое из троих комиссаров партизанских соединений в Крыму —Р. Мустафаев и М. Селимов — и десятеро из тридцати комиссаров партизанских отрядов были татарами. В одном только Южном соединении партизанских отрядов Крыма, состоявшем из 2300 человек, третью часть составляли крымские татары. А их в то время было всего 19,4 процента к общему числу населения Крымской АССР...

...Из переднего вагона послышалась песня. Пели хором. Потом песня донеслась и из того, что следовал за нами. Кто-то слабым, но чистым голосом запел и в нашем вагоне. Его поддержали другие.

Историю крымских татар, начиная с древнейших времен, можно проследить по народным песням. Люди пели "Порт-Артур" — о том, как крымские джигиты во время русско-японской войны бились насмерть с самураями, защищая дальневосточные границы Отечества, и "Шомпол" — о кровавых событиях 1919 года, когда во дворе Ханского дворца в Бахчисарае белогвардейцы шомполами забили насмерть 25 молодых джигитов, отказавшихся идти к ним на службу.

На пятый или шестой день изгнания в наглухо закрытых душных вагонах крымские татары пели песни, родившиеся уже в пути. Многие из них живы по сей день и по праву считаются народными. "родимый Крым, я не говорю "прощай!", "Откройте же двери вагона!", "Что ты, воин, глядишь сурово?..", "Успею ли вернуться, пока не погас огонь в очаге?.." и другие.

Мы ехали долго. Около месяца. Стук колес вколачивался в душу, мозг, тело. Я сейчас его слышу, когда закрываю глаза, снова раскачивает меня вагон и скрипит...

Часть эшелонов с репрессированным народом направилась в Сибирь, часть на Урал, а наш повернул на юг, в Среднюю Азию. И по обеим сторонам железнодорожной насыпи по всему долгому пути в изгнание остались лежать непогребенными трупы — детей, женщин, стариков...

..."Великий кормчий" тем временем позаботился о том, чтобы все совершаемое было по закону. Пока подручные Берии сочиняли обвинения, которым оправдывалось осуждение всего крымско-татарского народа целиком, писателям и ученым было дано особое задание: изъять из памяти все, что касается крымских татар; замазать черной краской то, что не сразу удастся забыть. Срочно издаются путеводители по Крыму, учебники, печатаются стихи и проза, разжигающие в читателе презрение, ненависть к крымским татарам, пробуждающие чувство благодарности к тому, кто избавил от этих Зверей и варваров. Товарные составы с набитыми битком семьями сражающихся на фронтах были еще в пути, а уже в Симферополе состоялось специальное заседание ученых. После него академик Б.Д. Греков в соавторстве с Ю.В. Бромлеем оповестил через "Вестник АН СССР", кто из их коллег действовал в "угоду татарским буржуазным националистам", тогда как главной задачей является рассмотрение истории Крыма "в свете указаний, содержащихся в основополагающих трудах И.В. Сталина". Срочно стала переписываться история Крыма, которая, по высказыванию П. Надинского, содержала "много принципиальных ошибок и извращений исторической действительности" и не могла отвечать требованиям времени без таких характеристик"... крымские татары мало и неохотно занимались хозяйственным трудом. Основным их занятием были беспрерывные войны и разбойничьи набеги с целью грабежа и наживы..."."... Ликвидация Казанского ханства позволила России активизировать борьбу против крымских захватчиков. России в этой борьбе помогало также донское казачество, затрудняя действия крымских хищников..." и т.д. и т.п. (Очерки по истории Крыма. Крымиздат, 1952; История СССР. М.: "Просвещение", 1979. Т.1).

И было стерто, сожжено, предано забвению все, что писалось о крымских татарах Л. Толстым, А. Чеховым, М. Горьким, И. Франко, Л. Украинкой, И. Коцюбинским, В. Короленко, все, что хоть отдаленно напоминало высказывания поэта и художника Максимилиана Волошина, жившего в Крыму и дружившего с татарами: "...Греческая и готская кровь совершенно преображают татарство и проникают в него до самой глубины мозговых извилин. Татары дают как бы синтез всей разнообразно пестрой истории страны. Под просторным и терпимым покровом Ислама расцветает собственная подлинная культура Крыма. Вся страна от Меотийских болот до южного побережья превращается в один сплошной сад: степи цветут фруктовыми деревьями, горы — виноградниками, гавани — фелюгами, города журчат фонтанами и бьют в небо белыми минаретами. В тенистых улицах с каменными и деревянными аркадами, в архитектуре и в украшениях домов, в рисунках тканей и вышивках полотенец догорает вечерняя позолота византийских мозаик и обретают сияние вязи итальянского орнамента...". Не потому ли имя поэта долгие годы предавалось забвению, что он был честным человеком, относился одинаково к людям разных национальностей, и творчество его не умещалось в идеологические рамки сталинских "историков"?

В Крыму заинтересованные и ответственные лица спешно распространяли страшнее страшного слухи о зверствах крымских татар, об этом без устали вещали радио и пресса...

... Наш эшелон выгрузили в Голодной степи, на станции Урсатьевск. Почти вплотную к железнодорожной насыпи подступали пологие подковообразные барханы с жухлыми кустиками травы. И нигде ни единого деревца, где можно было бы укрыться от палящего солнца. Разгуливает ветер, больно жалит лицо песок, глаз не открыть.

Приказано — ждать! А чего?.. Солдаты прохаживались вдоль насыпи и хмуро поглядывали на сидящих кучками возле своих вещей людей, заросших, оборванных, грязных. Было много больных. Они лежали на тряпках, а то и прямо на песке, стонали, просили пить. Мой дед тоже

заболел в пути, бредил. Мама и бабушка сидели возле него и руками сгоняли с его лица зеленых мух...

Проходили часы. Люди без еды, без питья, без надежды на чье-либо сочувствие сидели и ждали своей участи. Быть может, за теми барханами их заставят копать для себя рвы-могилы? Тогда зачем было везти их так далеко?..

Неожиданно все оживились, повеселели. Высокий, статный старик с белой, как у имама, бородой, бесшумно ступая в мягких чарыках, проваливаясь по щиколотку в песок, переходил от семьи к семье, проводил по бороде ладонями и говорил одно и то же: "Мужайтесь. Товарищ Сталин получил наши письма. Он нас в беде не оставит. Советскую власть в Крыму я строил вот этими руками, она справедливая, не даст свершиться беззаконию. Мужайтесь и надейтесь..."

— А ну-ка, взять этого агитатора! — послышался голос офицера.

— Что он там лопочет про товарища Сталина?

— Хвалит его, — сказал кто-то из сидящих.

— Хвалит? — хмыкнул офицер. — Там разберемся, как он его хвалит.

Двое солдат взяли старика под локти и куда-то увели. Больше его никто не видел.

Наконец, под вечер издалека донеслось погромыхивание высоких фургонов, каких в Крыму сроду не видели. Они прибыли за нами, чтобы увезти еще дальше, в глубь полупустынной степи с таким страшным названием Голодная...

С тех пор мне кажется, что самые гиблые места на земле — это там, где пески перемежаются с болотами.

Нас разместили в поселке "Баяут", в облупленнных, полузанесенных песком и пылью хижинах, давным-давно кем-то брошенных. Лет пятнадцать-двадцать назад сюда ссылали раскулаченных, которые в большинстве своем, наверное, умерли, и потому местные узбеки не без основания объясняли происхождение названия местности от "Байи ют", то есть "Проглоти бая". Тут весь день докучали мухи, а с наступлением вечера не давали житья комары. Людей стали косить желудочно-кишечные инфекционные заболевания и малярия.

По утрам, еще затемно, по поселку разъезжал верхом бригадир и, не слезая с лошади, стучал черенком плетки в окно или в дверь, выгонял всех на работу. Его обычно сопровождал конный сотрудник НКВД — дабы не возникло у кого-нибудь желания отлынивать от работы, прикинувшись больным. Работали на хлопковых полях. Многие там, между грядок, и умирали. Голодностепская целина еще только осваивалась. Она еще недостаточно была удобрена костями местных "врагов", пришлось везти их еще и из Крыма.

Я на весь день оставался с больным дедушкой один. Порой он начинал задыхаться, и я открывал дверь. Но в нее влетало больше мух и комаров, чем воздуху. Я клал дедушке на лоб мокрое полотенце, садился на высокий порог и смотрел на дорогу. По ней провозили в арбах умерших. Тела их были прикрыты рогожей, а из-под нее торчали серые ступни, большие, поменьше и совсем крошечные.

Первыми начали умирать дети. И сейчас у меня перед глазами мой сверстник, пятилетний Мидат, который корчится на полу, схватившись за живот, и умоляет слабеющим, голосом: "Маму позовите... Маму позовите.." А мы, собравшиеся у его изголовья мальчишки, не знали, где ее искать. Она вернулась вечером и застала тело своего ребенка уже остывшим.

С каждым днем становилось хуже и моему деду. И однажды, когда бригадир утром громко постучал в дверь, бабушка, сказав, что муж ее тяжело болен, попросила разрешить ей или дочери остаться сегодня дома. Тогда подъехал, гарцуя на гладкой лошади, военный и коротко бросил: "Я вас обеих сейчас отправлю туда, откуда не скоро вернетесь!" Такое с некоторыми из наших односельчан уже случилось — они и вправду не вернулись обратно. Судили быстро и беспощадно. Ссылали на Колыму, в Магадан, в места, из которых мало кто возвращался.

Мама с бабушкой отправились на работу, поторапливаемые едущими позади них всадниками.

И как только мы с дедом остались одни, ему сделалось совсем худо. Он пытался мне что-то сказать, но язык его не слушался, будто вспух, не умещался во рту. Голова его металась по подушке, а руки мяли края простыни. Я подал ему мутной воды, только что принесенной из арыка. Но край кружки дробно постукивал о его сжатые зубы, и вода проливалась ему на шею. Я обнимал его и плакал. Мелькнула мысль: "Может, позвать соседей?" И все-таки я не побежал за ними.

Позади нашего дома в большом дворе с садом жила красивая девочка, старше меня года на три. У нее были папа, мама, дедушка и бабушка. Однажды ее папа угощал ребятишек сушеным урюком, давая каждому по полной пригоршне. Я тоже протянул ладонь. Он грубопихнул меня в грудь: "А ты убирайся отсюда!"

Но эта девочка все равно мне нравилась. Однажды я ее встретил на улице, она ела кукурузную лепешку, лепешка эта одуряюще пахла. А у меня во рту и маковой росинки не было с утра. Я не выдержал и попросил отщипнуть мне кусочек. Девочка окинула меня с головы до ног презрительным взглядом, бросила хлеб наземь и вмяла его, покрутив пяткой.

И все равно девочка не перестала мне нравиться. У нее были большие веселые глаза, множество косичек и такая красивая вышитая бисером тюбетейка.

Однажды я увидел ее в окно. Мне очень хотелось привлечь ее внимание, чем-то ее задобрить. Я решил показать ей мамины бусы, а если захочет, даже дать подержать. Бусы были прозрачные и голубые, под цвет маминых глаз. Мама ими очень дорожила, отец привез их из Москвы, когда ездил на Первый съезд писателей. Мама надевала их редко — берегла.

Я достал бусы из шкатулки и вышел на улицу, показал их издалека девочке. Она подошла, настороженно улыбаясь. "Хочешь посмотреть?" — спросил я и протянул ей бусы, как вдруг она схватила их так, что нитка порвалась, и голубые звездочки посыпались в пыль. Я кинулся собирать, но она, смеясь, стала расшвыривать их ногой.

Кто-то из взрослых, проходя мимо, спросил:

— Ай-яй, девочка, зачем ты это сделала? Нехорошо.

— Они убили моего дядю! — со злостью сказала девочка, и глаза у нее сверкнули, как у рассерженной кошки. — Мой дядя погиб в Крыму!

Я вспомнил обо всем этом и, наверное, поэтому не побежал за помощью к соседям. Гладил влажный дедушкин лоб, его шершавые руки и захлебываясь слезами, спрашивал, что для него сделать, но он молчал, смотрел не меня и молчал. Не знаю, сколько прошло времени: дедушка успокоился, а я уснул. Так мама и бабушка вечером, придя с работы, и застали меня, спящего в обнимку с умершим дедом.

По мере того, как я взрослел, меня все больше мучила совесть, что я не позвал к умирающему людей: быть может, они спасли бы…

Да, крымские татары в местах ссылки ежедневно умирали во множестве. Их нередко не успевали хоронить, дети оставались сиротами. Когда умирал мой дед, с ним рядом находился я, шестилетний ребенок. Язык ему уже не повиновался. Но передо мной до сих пор — его глаза. Взглядом можно сказать, оказывается, гораздо больше, чем словами. И диалог этот между мной и им будет длиться, пока существует память.

По мусульманскому обычаю, женщинам во время похорон не положено быть на кладбище. Деда похоронили незнакомые люди. А я не запомнил его могилы, не смог показать ее затем бабушке и маме: там были сотни одинаковых могил. И не смогли мы по обычаю поставить у его изголовья камень с эпитафией или изречением из Корана. Вместо этого — много лет спустя — я написал стихотворение. Единственное. Быть может, оно заменит ему баш-ташы. 1

1 Баш-ташы — надгробный камень.

МОЕМУ ДЕДУ

Вместо эпитафии

Ты здесь, внучок? Поближе подойди.

Подняться не могу. Все злее боль в груди.

В паучьем скособоченном углу,

Уставясь в никуда, часами ты сидишь,

Мой повзрослевший от невзгод малыш.

Сидишь, не отгоняя даже мух,

Жужжанием бередящих душу, слух.

Сидишь средь глинобитных стен,

Забравших в плен

Твой тонкий голосок.

А ведь совсем недавно

Перебирал ты камушки рябые,

И серые, и голубые,

Что я тебе с прибрежья приносил,

Когда из сада шел, где с самого восхода

Деревья подрезал, траву косил.

Как были счастливы мы оба!

Был день высок и небосвод сиял...

Лужайку помнишь с ледяным ручьем,

Где ты с ягнятами скакал

Под солнцем и дождем,

Где рвал цветы, что пахли пряно?..

Увы, твое осиротело детство рано.

Нет ни лужайки, ни игрушек, ни ягнят.

Лишь мухи... Мухи неуемные гудят.

А там, где ты гулял,

В прекрасном розовом краю

Другие малыши стрекозами летают

И плещутся в ручье, и радостно ныряют,

А перед сном свой смех кладут у изголовья.

Дай бог им тоже счастья и здоровья...

Прости, малыш, мне стон невольный.

Невыносимо больно! Ты встал?

Поближе подойди,

Присядь на край козлиной шкуры.

Клянусь, в ней блох и вшей не больше,

Чем у тебя в углу.

Сегодня ночью

Увидишь ты, мой мальчик, смерть воочью.

Мне в изголовье телогрейку подложи,

Сдави ладошками виски,

Держи мне голову, держи.

Ну, а теперь гляди, гляди в мои зрачки.

Ты видишь в них долину нашу, горы?

Аул, разбросанный среди садов,

И россыпь золотистую плодов,

И волны цвета изумруда?

Скажи, ты видишь это чудо?

Ты вздрогнул, рукою вытер мой вспотевший лоб,

Я чувствую души твоей озноб.

А я ведь зубы сжал, чтоб стон

Не вылетел на волю.

Но, видно, сил уж нет.

Полуденного солнца черный свет

Слепит меня сквозь мутное стекло.

Как странно: солнце есть,

Но где его тепло?

В ушах моих расплавленный свинец.

Смерть у порога, близится конец...

Уже не слышу я ни плача твоего,

Ни мух надсадного жужжанья...

Теперь попробую унять

Предательскую дрожь

И сердца маятник немного успокоить.

А ты читай, читай мои глаза,

В них только правда. Лишь она одна...

Ах, жить так хочется — ведь я еще не стар.

Но мой колодец вычерпан до дна.

И не моя, внучок, вина,

Что все так вышло страшно,

Три месяца мы здесь.

Но эти девяносто дней

Состарили меня сильней,

Чем девяносто лет.

Я выдохся, стал немощен и сед.

За что мы тут? Не спрашивай, не знаю.

Считай, что это рок.

Кто мы теперь? Никто, живущие в Нигде.

Волной беды прибило нас к беде.

Я мог бы долго жить в родном краю,

Следя, как ты становишься джигитом

С открытым сердцем и лицом открытым...

Внучок, куда ты? Погоди!

Решил позвать соседей? Не зови...

Ты вспомни их брезгливое презренье,

С каким нас встретили и свысока, как в рай,

Вселяли в этот занавоженный сарай,

Как скот, которому, как милость дали

Хлеб из тоски и воду из печали.

Но на соседей не таи обиды:

За день до нас здесь побывал

Большой начальник местный,

Он им сказал, Что я, старик, и ты, ребенок, —

Предатели с пеленок,

И потому якшались мы с врагом,

И предавали их отцов и сыновей

Из-за врожденной подлости своей.

Но мы с тобою знаем: это ложь.

И ею многих опоили, как дурманом.

Но ты, я в это верю, доживешь

До дней таких, когда обманом

Ужасным назовут весь этот бред.

И тот, кто нас не знал, и наш сосед

Прозреют и поймут:

Преступники не мы,

А те, кто с умыслом народу лгали...

Пока же будешь есть свой горьким хлеб печали

И запивать его водой-тоской,

Мой мальчик дорогой...

Ты тормошишь в отчаянье немом

Меня, полуживого,

И замираешь, и целуешь снова.

Увы, мне не помочь,

Истлела жизни нить,

Я скоро кану в ночь,

Где мне навеки быть.

Немеют руки, ноги,

Готово все к неведомой дороге...

Прости меня, внучок,

Я, грешный, лгал тебе, что живы

Родители твои и скоро их увидишь,

И потому не надо горевать.

но разве мог я несмышленышу сказать,

Что их уж нет давно — погибли оба

На той войне. Еще там длится брань...

Прими достойно весть. И взрослым стань.

И в жизнь войди джигитом,

С открытым сердцем и лицом открытым...

Знай: трудным будет путь.

Шагая по нему, не позабудь

Как нарекли тебя, шаин 1

О господи, хотя б мой младший сын

Вернулся с фронта!

Он будет звать тебя на тысячах дорог.

Но если имя ты свое забудешь,

То не откликнешься и пропадешь,

И станешь самого себя стыдиться,

В конце концов поверишь в ложь,

Которую про нас с тобою сочинили.

И тяжко станет мне лежать в могиле...

Дыхание слабеет...

Сожми ладонь мою покрепче...

Как сладок воздух... как желанен свет...

Внучок, последний мой завет:

Не позволяй жужжащим этим тварям

Гулять по влажному стеклу

Моих застывших глаз

И по губам остылым.

Ну вот и все.

Последний вздох угас.

Как горько умирать в краю немилом,

Где даже у небес другая синь!..

Прощай...

Аминь.

В первый же месяц по прибытии в Узбекистан умерло более 40 тысяч крымских татар. И не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что местное население встретило сосланных как своих личных врагов. Понять же их было можно...

Антикрымско-татарская пропаганда и здесь была поставлена на конвейер. Над целым народом был совершен акт насилия. Закономерен вопрос — почему? Власти должны были объяснить населению, мотивировать, за что народ наказан. Короче — узаконить произвол.

1 Шаин — сокол.

До прибытия в Среднюю Азию эшелонов с депортированными агитаторы из республиканских, областных, районных аппаратов в срочном порядке "разъясняли" местному населению, что везут к ним изменников, предателей, "продажных шкур", что мол, ваши отцы, братья, мужья, сыновья сражаются с фашистами, а эти... Нетрудно представить, как относились к прибывающим люди, у которых погибли на войне близкие. Их ненависть к "изменникам" была вполне объяснима. Не могу забыть еще один случай...

Нас было пять-шесть голодных ребятишек. Кто-то бросил камень в крону дерева, усыпанного спелыми абрикосами. Тут же раздался окрик, и все убежали. Только один, самый младший из нас, не смог побороть искушения, нагнулся и стал собирать упавшие на землю абрикосы и

пихать в рот. Его поймали. С размаху ударили о землю. Он там и остался. Покорчился и затих...

Немало минуло времени, пока местное население начало что-то понимать. Возвращались с фронта десятки покалеченных, безруких, безногих солдат, побрякивая орденами на груди, они разыскивали своих матерей, жен, детей, а их уже и на свете-то не было...

И узбеки тогда, поняв, что была содеяна чудовищная несправедливость, стали делиться с крымскими татарами последним куском лепешки, последней горстью кишмиша или орехов...

Еще и сейчас, спустя сорок пять лет после той трагедии, не обнародованы точные данные о количестве прибывших в Среднюю Азию спецпереселенцев. В докладной записке тогдашнего заместителя наркома общественного порядка Узбекской ССР генерала М. Беглова сообщалось, что только в эту республику было переселено 151424 человека, в основном стариков, женщин и детей. Это не считая тех, кто погиб в долгом пути, бежал или был расстрелян: охрана открывала огонь по тем, кто пытался на остановках без разрешения выйти из вагона за питьевой водой.

После Дня Победы последовал второй поток — теперь ссылались победители. По прибытии на место они тотчас брались на учет спецкомендатурами, после чего им надлежало ежемесячно ходить "на подпись", чтобы засвидетельствовать, что они никуда не сбежали, находятся в пределах района, границ которого на имеют права пересекать без разрешения коменданта. Вчерашние воины, независимо от количества наград, Герои Советского Союза автоматически становились предателями, изменниками родины, для этого оказалось достаточным родиться крымским татарином.

Из среды крымских татар вышли 4 генерала, более 80-ти полковников и более 100 подполковников, много офицеров и младшего

комсостава. За образцовое выполнение боевых заданий во время войны, за умелое руководство, за личное мужество все они отмечены высокими наградами. Семь крымских татар удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а один — Амет-хан Султан — удостоен этого звания — дважды.

35 крымских татар стали кавалерами орденов Славы, из них — пятеро — кавалеры орденов Славы 3-х степеней.

Из 32-х руководителей подпольных организаций Крыма — 25 были крымскими татарами.

В годы Великой Отечественной войны 50 000 сынов и дочерей крымских татар, отличившихся на полях сражений, удостоены правительственных наград.

Свыше 19% взрослого татарского населения, оставшегося в Крыму после призыва в действующую армию, сражались против гитлеровцев в партизанских отрядах и подполье.

Все они были объявлены предателями и были сосланы. Этим страшным клеймом помечены и те 26000 крымских татар, которые погибли в боях, защищая честь и свободу родины, и те 12000 граждан крымско-татарской национальности, которые в период оккупации были уничтожены карательными экспедициями фашистов. Потому их имена и не высекались на обелисках, возводимых в память о погибших на центральных площадях крымских городов и селений, их имена были приговорены к забвению. Имена тоже подлежали ссылке.

В начале войны многие из крымско-татарских писателей, сменив перо на автомат, пошли защищать Родину от фашистских захватчиков. Большинство из них погибло смертью храбрых.

Это были те ДВЕНАДЦАТЬ, как впоследствии назвали их, которые по зову сердца встали грудью на защиту Отечества и не вернулись с поля боя. Это о них потом, много лет спустя, будет издана книга "Памяти Двенадцати", где увековечены их имена. Назовем же и мы их поименно: Ыргат Кадыр (1905-1945), Амди Алим (1905-1942), Осман Амит (1910-1942), Максуд Сулейман (1908-1945), Бекир Ваап (1915-1945), Азам Амет (1909-1942), Мамут Дибаг (1905-1942), Меннан Джаманаклы (1916-1942), Абляй Шамиль (1905-1942), Таир Усеин (1911-1942), Осман Батыров (1910-1942), Эннан Алимов (1912-1941)... Вечная им слава!

Двенадцать человек, павших в боях за Родину. Это почти половина тогдашнего состава крымских писателей!

В начале шестидесятых годов в Крымском отделении Союза писателей появилась мемориальная доска, на которой было помещено несколько имен погибших на войне крымско-татарских писателей, как видно, стараниями их бывших соратников по перу. Незамедлительно последовал из высших руководящих инстанций области приказ — уничтожить, стереть, забыть. Сослать!.. Что и было сделано.

Имена четверых (а почему не всех?) крымско-татарских писателей удостоились чести быть означенными на мемориальной доске в фойе Союза писателей Узбекистана...

... По Баяуту молниеносно разнесся слух о том, что с войны вернулся сын Капье-апте. "Который?" — спрашивали люди: — У нее четверо их на войне!" "Сервер. Моряк. Вся грудь в орденах!.."

Месяц ездил он из города в город, отмерял шагами пыльные дороги от кишлака к кишлаку, искал своих. Наконец, разыскал дом, где жили мать с двумя его младшими братишками. Малышей застал одних. Лежат в полутемном сарае на рогожке, голодные, сил нет подняться. И брата не узнают. Мало ли нынче солдат с войны возвращается?.. Только когда Сервер сказал, что он их старший брат, оба с трудом поднялись и

повисли у него на шее. А мать третьего дня ушла из дому и все никак не возвращается. Хозяин дома дал им полмешка семечек, чтобы они не померли с голоду. Мать семечки те пожарила и пошла на базар продать их и купить детишкам хлеба. И пропала...

Где искать мать, которую с начала войны не видел? Во дворе собрались люди, стали советовать пойти к коменданту, у него спросить. Кроме него никто не поможет. Комендант тут — и царь, и бог.

Накормил Сервер братишек нехитрым солдатским пайком да пошел потихоньку, хромая и опираясь на палку, к коменданту.

Оказывается, мать уже третий день сидела в КПЗ комендатуры.

— Вместо того, чтобы искупать свою вину честным трудом на хлопковом поле советского совхоза, она занялась спекуляцией! — сказал комендант моряку.

— Выпусти ее, гнида! — сказал матрос, бледнея.

— Ну-ну, полегче! Я тебе язык быстро укорочу! — процедил комендант, поднимаясь с места и расстегнув на всякий случай кобуру. — А ну-ка, подпиши вот эту бумагу! И будь добр каждый месяц являться на подпись!

Матрос снял с себя бушлат, увешанный орденами и медалями, и огрел ими коменданта по лицу.

Тот завопил и, паля из нагана в воздух, выскочил наружу, клича себе на помощь.

Сервер налег на дверь КПЗ, но она оказалась прочной. А у него после ранения не те были силы, что раньше. Мать узнала его по голосу, ее душили слезы, и она не могла произнести ни слова. И он не успел

ничего сказать, кроме: "Мама!.. Мама! Я вернулся!.." Тут влетел комендант с подручными, скрутили ему руки, выволокли...

...Сервер вернулся из Воркуты десять лет спустя, после амнистии 1956 года. Мать в живых не застал. Разыскал только одного из братьев. Когда мать умерла, их определили в разные детские дома. Так младшего и не нашли, неизвестно, жив ли...

Чтобы вконец не расстраивать Сервера, никто не рассказал ему, что спустя несколько дней после того, как его братьев определили в детский дом, какой-то всадник волоком таскал из кишлака в кишлак, приторочив к седлу за ногу на длинной веревке, труп мальчишки и расспрашивал, чей он, этот вор, которого изловили на огороде, когда тот обламывал свежие початки кукурузы. На месте и забили палками и камнями, чтобы другим не повадно было. Труп был в пыли, грязи, лицо сплошное месиво, невозможно было узнать в нем кого-то... Вскоре, однако, люди прослышали, что младший братец Сервера из детского дома сбежал, чтобы разыскать брата — предположили, что это он и был...

О Сервере, обо всех тех, кто в матросских бушлатах и просоленных солдатских робах приезжал в прокаленные солнцем земли, ставшие местом изгнания их близких, родных, вспоминается, когда смотришь кадры тогдашней кинохроники. По дорогам страны мчатся эшелоны, увитые цветами, развозят по домам победителей. Как радостны лица советских солдат, как счастливы женщины и дети, обнимающие их. А ведь среди них, наверное, едут и крымские татары, такие же победители. Что ждет их?..

На протяжении долгих 12 лет, до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшидов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны", умер каждый третий из 400 тысяч депортированных крымских татар.

Думается, давно настала пора расставить точки над i, сказать советскому народу прямо и честно, кто и по отношению к кому совершил вероломство.

Крымские татары, ветераны и их близкие, устали ждать о себе честного слова. Молодежь, как в глотке свежего воздуха, нуждалась в произведении, в котором были бы правдиво показаны их отцы, деды, на чью долю выпало защищать Родину — как на фронте, так и на территории, оккупированной врагом. Но события, связанные по времени с оккупацией Крыма, до сих пор не находят объективного освещения в литературе. Вместо этого в 1947 году появился роман П. Павленко "Счастье" — о величайшем счастье, которое обрели те, кто остался в Крыму, очищенном от варваров. Но если верить старой русской поговорке о том, что "на чужом несчастье счастья не построишь", то вряд ли силком привезенные туда из центральных районов России и Украины поселенцы действительно были счастливы.

Однако отцу народов такое произведение не могло не понравиться: партийный заказ писателем был выполнен, и за это его роман был удостоен Сталинской премии.

Время менялось трудно и медленно. Прошли целые десятилетия, пока родилась на свет повесть А. Приставкина "Ночевала тучка золотая..." Два писателя — два разных мира. В одних и тех же событиях депортации неповинных людей, в их обреченности на верную гибель один увидел счастье, другой — трагедию.

К сожалению, на сегодняшний день повесть А. Приставкина, пронзительно правдиво поведавшая о трагических днях в жизни чеченцев и ингушей, единственная. Зато как "плодотворно" потрудились И. Козлов ("В крымском подполье"), А. Первенцев ("Честь смолоду"), вместе с ними и И. Вергасов ("Крымские тетради"), который не пощадил и боевого соратника Бекира Османова, с которым не раз ходил в разведку — не изменив даже имени, вывел его... турецким шпионом. Как же без устали порочили они крымских татар, будучи

верноподданными великого из великих. Принять за чистую монету то, о чем рассказывают эти, с позволения сказать, писатели, могут только те, кто полностью не информирован. Вернее, дезинформирован. Упомянутые произведения служили именно этой цели. На это же были направлены все публикации в газетах и журналах. Если речь заходила о партизанском движении в Крыму, то имена активных подпольщиков — крымских татар — замалчивались, а если никак уж нельзя было обойтись без упоминания участников боевых действий, татарские имена просто руссифицировались. Пожалуйста, примеры:

1 Командир разведгруппы партизанского отряда "Севастополь-Балаклава" Сейдали Агаев во всех публикуемых материалах упоминается как С.Агеев.

2. Командир разведгруппы 17-го партизанского отряда Северного соединения Сейдали Куртсеитов стал С.Курсаковым.

3. Руководитель самой крупной подпольной организации в Симферополе Абдулла Дагджи проходит только как Дядя Володя (подпольная кличка).

4. Руководитель Сарайменской подпольной организации "Молодая Гвардия" на Керченском полуострове Алиме Абденнанова — Аня (резидент военной разведки).

5. Руководитель Феодосийской подпольной организации "Алев" — "Пламя" Асие Аметова — Ася.

6 Комиссар Восточного соединения крымских партизан Рефат Мустафаев — Лагутин.

7. Командир Ялтинского партизанского отряда Южного соединения Сераджедин Менаджиев — Сергей М.

8. Руководитель подпольной группы Сарайменской подпольной организации Наджие Баталова — Батаева.

9. Знаменитый партизанский командир Мишка-Татар, Герой Польской народной республики. Умер Акмолла Адаманов – Михаил Атаманов.

Нередко приходится слышать и чаще, разумеется, в Крыму, что фашисты в период оккупации благоволили к крымским татарам и не причиняли им зла. И это не соответствует истине, которую давно уже пора восстановить.

Разве не в Бахчисарае в первый же день вступления фашистов в город на центральной площади было повешено восемь человек? Вот их имена: Юсуф Таиров, Абла Ибраимов, Лютфие Аединова (тринадцати! лет), Халил Османов, Алим Куршунов, Юнус Фетиев, Усеин Джаппаров, Мамут Аметов.

В течение 1941-1944 гг. фашистами казнено в городе более 350 крымских татар — коммунистов, партизан, подпольщиков, фашисты снимали все это на кинопленку и демонстрировали населению, пытаясь его запугать.

Десятки крымских татар расстреляны в Алуште, на берегу реки Демирджи, десятки — у подножья горы Кастель, десятки — в деревнях Улу-Сала, Кызыл-Таш, Дегирменкой, Тав-Бодрак, Салы и многих, многих других.

В июле 1988 года страна узнала из информации ТАСС о том, что вокруг партизанских районов в горной части Крыма были сожжены все деревни, создана "мертвая зона". Да, это действительно так. Было уничтожено более семидесяти татарских деревень. В них проживало более 25 % от общей численности всех татар в Крыму. В этих деревнях,

располагавшихся в лесной глуши, в горах, жили только крымские татары.

Всему миру известны мемориалы в Хатыни и Саласпилсе. Трагедия, постигшая жителей Хатыни, постигла и жителей крымских деревень, но тщетно было бы искать в Крыму хоть какой-либо памятник, напоминающий людям о том, что и крымские татары пережили тяжелую трагедию.

Но народ носит дорогие ему имена в своем сердце, разве забудет он имя казненной фашистами восемнадцатилетней отважной разведчицы Алиме? Люди стоя слушают песни, посвященные ей. И разве найдется хоть одни крымский татарин, который не склонит головы перед памятью о легендарном летчике-испытателе дважды Герое Советского Союза Амет-хане Султане...

А вот семьи, каждая из которых достойна отдельного памятника:

Азиза Асанова из г.Симферополя, пять человек — казнены все.

Асана Халилова из деревни Суин-Аджи, Симферопольского района, семь человек — казнены все.

Ибраима Аметова из г. Алушты, одиннадцать человек — казнены все.

Бекира Дагджи из деревни Корбек, Алуштинского района, семь человек, включая семидесятилетнюю мать — казнены все.

Ибраима Халила из г. Бахчисарая, включая четверых детей — сожжены заживо все.

Муртазы Бекира из деревни Буюк-Янкой, Симферопольского района — расстреляна жена с пятью детьми.

Сундус Чорман из деревни Дегирменкой, Ялтинского района — повешена с четырьмя детьми...

И это далеко не полный список...

...Мне вспоминается случай восьмилетней давности. Поздним вечером я прилетел из Москвы в Симферополь. Попытка найти какую-либо машину, которая доставила бы меня в писательский дом творчества "Коктебель" не удалась, и пришлось смириться с мыслью, что предстоит бессонная ночь на аэровокзале.

Однако неожиданно повезло в другом. Я встретил своего приятеля из Ташкента, поэта Ризу Фазыла. Оказалось, он тоже — в "Коктебель"...

Наступило утро, когда нам удалось договориться с владельцем частной машины, и мы тронулись в путь. Разбитной словоохотливый водитель сначала повез нас окольными путями, чтобы миновать посты ГАИ, где, должно быть, всех леваков знают в лицо, и, попетляв уже за пределами города по проселочным дорогам среди рдеющих от маков покатых холмов, мы выехали, наконец, на Феодосийскую дорогу. Сказывалась бессонная ночь, нас одолевала дрема. Водитель же, не смолкая ни на минуту, перескакивал с одной темы на другую, и вдруг мы услышали: "Здесь же бандиты жили, крымские татары, сколько они крови людской пролили!.." Эти слова заставили нас вздрогнуть, как от удара, куда и дремота подевалась. Я едва успел перехватить занесенный кулак моего приятеля.

"Жигуленок" скрежетнул тормозами и остановился на обочине. Водитель ошалело уставился на нас, как видно, поняв, что мы и есть те самые "бандиты". Рассвело, по дороге на большой скорости проносились редкие машины.

— Ты зачем так говоришь? — спросил Риза, тяжело дыша и прижав руку к сердцу (он недавно перенес тяжелую болезнь, после чего и послали его отдохнуть).

— Все так говорят... — последовал ответ.

Водитель был не прав. "Так" говорили многие, быть может, даже большинство, но далеко не все. Кто знал крымских татар до войны и пережил с ними вместе страшные годы оккупации, "так" не говорили. Те, кто на фронте воевал бок о бок с солдатом — крымским татарином, тоже "так" не говорили. И вообще у человека, способного мыслить логически, не растерявшего гражданскую совесть, язык не мог повернуться говорить "так". Большинство предпочитало молчать. Причины нам сейчас известны. Но были люди, которые даже в тех жесточайших условиях не молчали, подавали голос в защиту справедливости. Будучи людьми честными, принципиальными, они писали письма в так называемые "инстанции", понимая, что в печати им не дадут сказать об этом не слова. Крымские татары помнят их.

Помню, из рук в руки переходил тоненький листок папиросной бумаги, на нем едва различимы были буквы машинописного текста. Это было письмо С. Писарева, бывшего партийного работника, в ЦК КПСС на имя Брежнева. Из этого письма я впервые узнал о том, какую неблаговидную роль сыграли в трагической судьбе крымских татар бывший командующий партизанским движением Крыма Мокроусов и его комиссар Мартынов. Вину за неоправданные жертвы, понесенные крымскими партизанами из-за их бездарного руководства, они свалили на местное население, рассчитывая этим обелить себя. Писарев доказывал то, что, казалось бы, и не требует доказательств: народ поголовно не может быть предателем. И сурово за это поплатился — длительное время его "лечили" в психиатрической больнице.

Та же судьба постигла добивавшихся справедливости по отношению к репрессированным народам писателя А. Костерина, генерала П.Г. Григоренко, который в конце концов был выдворен за пределы

государства. Подвергся ссылке и А.Д. Сахаров, который всегда поддерживал движение крымских татар за возвращение на Родину и даже находил возможность приезжать на судебные процессы крымских правозащитников. Не обходили этой темы в своем творчестве А. Твардовский, К. Кулиев.

Но об этих письмах, обращениях к правительству мало кто знал. Распространяемые "самиздатским" способом они слишком редко попадались на глаза людям среди обширной продукции, в которой извергалась на крымских татар одна только грязь.

Это мы и пытались объяснить водителю, сидя в салоне "Жигуленка". Называли татарские имена командиров, комиссаров, руководителей подпольных групп, партизанских соединений, а глаза растерянного водителя выдавали, что он нам не верит.

— Не знаю, не знаю... Пишут другое... Рассказывают другое... — твердил он и вдруг спросил: — И что вас тянет в эту дыру, не могу понять? Один из вас живет в Москве, другой в Ташкенте, разве вам плохо там?

Но, как объяснить, что родина есть родина, что сам воздух, запах трав и цветов, вкус воды кажутся нам в других местах совсем не такими. Не зря же родина именуется матерью. Может ли человек не тянуться к матери?

Для него — "дыра". А для нас... Тут наши корни.

А корни — это то, без чего ни один народ существовать не может, это его прошлое, его история, материализованная в памятниках культуры.

Именно поэтому после депортации из Крыма коренного населения предпринимались отчаянные усилия по уничтожению этих самых

"корней". Но при этом было забыто, что корни крымских татар столь тесно переплелись с корнями веками живших рядом народов, что невозможно уничтожить одни, не ранив смертельно другие...

Несколько лет назад я повез в Крым мать. Она давно обещала показать мне деревню Кутлак, где родилась. Расположена она неподалеку от Судака,

Понятно волнение человека, оказавшегося много лет спустя в родной деревне.

Ярко светило солнце, и земля слегка парила. Минувшей ночью прошел сильный ливень, с громом, молнией Мы вышли за околицу. Тропа вывела к седловине двух небольших холмов, где в былые времена находилось кладбище. Мама стала по именам перечислять ближайших предков, что здесь покоились. И вдруг замерла, побледнев. Спустя мгновение я все понял. Тропа перед нами была усеяна человеческими костями. Стало ясно, что когда-то кладбище разровняли бульдозером и перепахали, а прошедший накануне ливень промыл землю и обнажил то, чего бы лучше не видеть... А навстречу нам шли босые мальчишки с удочками и сачками для ловли бабочек. Шли, насвистывая, и даже не замечали, что идут по человеческим костям.

"Сволочи копали этой ночью. Рядом валяется обломленная сигаретка с фильтром. Не отсырела даже. Около нее медная позеленевшая гильза... Черепа лежали грудой, эти загадки мироздания — коричнево-темные от долгих подземных лет — словно огромные грибы-дымовики. Глубина профессионально вырытых шахт — около двух человеческих ростов, у одной внизу отходит штрек. На дне второй лежит припрятанная, присыпанная совковая лопата, — значит, сегодня придут докапывать?!"

Это уже из поэмы А.Вознесенского "Ров". Не звенья ли одной цепи перепаханные бульдозерами кладбища и штреки в братских могилах, и

разбитые памятники на полях сражений в России?.. Прочтешь такое, увидишь воочию, и рвутся из души слова – куда подевались доброта, милосердие, сострадание? Кто отдавал распоряжения сносить кладбища крымских татар, и не только их? Как поднималась рука уничтожать прекрасные памятники исторического прошлого Крыма, бросать в костер книги крымско-татарских просветителей? А ведь и такое было...

Большинству моих сверстников, наверное, запомнилось как одно из самых ярких событий жизни, прием в ряды ВЛКСМ, а потом в члены партии. Мне же запомнился день, когда я был взят на комендантский учет. В комсомол меня не принимали — не та национальность. А на учет взяли годом раньше, чем положено.

Прежде чем поведать об этом, придется еще раз упомянуть об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцей, турок— граждан СССР, курдов, хемшилов и членових семей (разрядка моя. — Э.А.), выселенных в период Великой Отечественной войны". Второй пункт его гласит: "Установить, что снятие ограничений с указанных лиц и членов их семей не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении и, что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены. И подписи: К. Ворошилов, А. Пегов".

Предыдущее Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 11 мая 1944 года о поголовном выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР народу не было оглашено и в печати не публиковалось. Но можно не сомневаться, что члены их семей фигурируют и там, коль скоро о них говорится в упомянутом выше Указе, изданном уже после исторического XX съезда КПСС, осудившего выселение народов, определившего этот факт как нарушение социалистической законности. Обратите внимание, какой безысходностью веет от него. И членов их семей... Уже страдает третье и четвертое поколение. На крымских татар не распространяется даже

та сакраментальная фраза, оброненная отцом народов: "Сын за отца не отвечает".

В древности, если рабыня выходила замуж за свободного, то рожденные ею дети становились свободными, и она сама могла приобрести свободу. Если раб женился на свободной, то его дети были свободны.

В странах, где царило мракобесие и иноверцы подвергались гонениям, человек, принявший религию мужа или жены, уравнивался в правах.

По Постановлению же ГКО 1944 года и Указу Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года любой гражданин, даже русский, став членом семьи крымского татарина, лишался гражданских прав, идете его становились бесправными. Этот Указ не потерял свою силу и по сей день. Приведу пример, можно сказать, из вчера.

Эминов Рустем родился 9 августа 1967 года в г. Севастополе. Там проживает его бабушка (по матери) — русская. В 1982 году в июле он закончив восьмилетку, решил подать документы в Севастопольски" судостроительный техникум. Однако документов у него не приняли. Тогда в техникум пошла с сыном его мать, русская, и директор В.П. Молоканов ей без обиняков заявил: "У нас есть инструкция Крымских татар и немцев не принимать". Это было в год 60-летия образования СССР. Пришлось посылать телеграмму на имя Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Андропова Ю.В. Затем работник отдела науки и учебных заведений при ЦК тов. Курин О.И. сообщил отцу Эминова Рустема в телефонной беседе: "Есть решение ЦК, у Вашего сына примут документы". Вдумайтесь только: чтобы принять документы в техникум у 15-летнего юноши, крымского татарина, было необходимо решение ЦК!

Документы у Рустема действительно приняли, и он поступил учиться туда, куда хотел. Через год, когда ему исполнилось

шестнадцать, ему выдали паспорт, но — без прописки. Хотя родился он в Севастополе, бабушка имеет двухкомнатную кооперативную квартиру и живет одна. Ее единственная дочь замужем за крымским татарином и проживает в Ташкенте, поскольку мужу ее, а значит, и ей, возвращение в Крым запрещено.

Так урожденный севастополец Эминов Рустем был вынужден уехать в Ташкент, в места изгнания отца, откуда и был призван в ряды Советской Армии.

Теперь я вернусь к тому времени, когда сам был в том возрасте, в каком Эминов Рустем впервые столкнулся с проблемами, связанными с его национальной принадлежностью.

Тогда мне тоже едва исполнилось пятнадцать лет. В то время мы уже жили в 10-12 километрах от Самарканда, в крошечном, но по сравнению с Баяутом довольно уютном кишлаке Ертешар. Нам разрешили сюда переехать как семье, "пострадавшей в период оккупации". В 1954 году я закончил седьмой класс. С учебниками было очень сложно. В конце лета, прослышав, что в центральный книжный магазин в Самарканде поступили учебники для восьмого класса, я отправился в город, забыв предупредить мать. Купил две-три книги и, переполненный радостью, пришел на площадь, и сейчас именуемую Поворот, откуда курсировали машины в нашу сторону. Уехать было не просто, тут всегда было многолюдно. Я стал дожидаться попутки. Вдруг кто-то железной хваткой взял меня за локоть: "Пройдемте!". У меня оборвалось сердце: разрешения коменданта на поездку в город я не имел. Рванулся было, но мне завернули руку.

Так я оказался в городском отделении НКВД. В накуренном помещении с зарешеченными окнами находилось трое или четверо молодых упитанных мужчин.

— Почему приехал без разрешения? — спросил один из них, сверля меня глазами.

— Не знал я, дяденька... — ответил я, потирая руку, которая все еще ныла.

— Во-о заливает, змееныш, — заметил другой с ухмылкой.

Первый придвинул ко мне листок:

— Прочти и подпиши. Чтобы впредь знал!

Я даже читать не стал этот листок. Мне было известно, что в нем написано. Это было Постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1947 г. "Об уголовном наказании за побег с места спецпоселения граждан крымско-татарской национальности сроком на 20 лет каторжных работ". Со всего взрослого крымско-татарского населения были взяты подписи об ознакомлении с этим Постановлением. Его текст, отпечатанный на большом листе крупными буквами, висел на стенах во всех комендатурах, куда люди ежемесячно приходили на "отметку". Каждый был предупрежден, что переход из одного района в другой без разрешения коменданта считается побегом.

— Что я такого сделал, дяденька?.. — невольно вырвалось у меня.

— Сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — чуть приуменьшил я.

— Во, заливает, во-о, заливает!.. — снова хохотнул тот, другой, шагнул ко мне, схватил за волосы и стукнул головой о стол, еще раз, и еще раз, и еще, стараясь, чтобы я носом угодил в бумагу: —Читай, читай!.. И заруби на носу!

Я отказался читать эту бумагу, и тем более подписывать.

Три дня меня продержали в КПЗ, отобрав учебники и почему-то ремень. На четвертый день посадили в машину с металлическим закрытым кузовом и, приказав держать руки за спиной, привезли в Чархинскую районную комендатуру.

В кабинете у коменданта я застал заплаканную мать. Уже потеряв надежду когда-либо меня увидеть, она вчера прибежал к нему, сказала, что у нее пропал сын. К кому было ей еще бежать, кто мог помочь? "Пока сын не найдется, будешь сидеть тут!" — сказал комендант и оставил ее заложницей.

Снова принялись заставлять меня подписать бумагу. Стала уговаривать и мама: "Подпиши, сынок, иначе все равно нас отсюда не выпустят". И я подписал.

Через два года комендантский режим был отменен. При этом, однако, с каждого переселенца административные органы потребовали расписку такого содержания: "Мне (ф. и.о.) объявлено, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР я освобождаюсь от спецпоселения. Я предупрежден, что снятие с меня ограничений на спецпоселение не влечет за собой возвращения мне имущества, конфискованного при выселении, и не имею права возвратиться в то место, откуда был выслан..." И это после официального осуждения сталинских беззаконий на XX съезде КПСС, когда к своим семьям и в родные места уже начали возвращаться миллионы узников лагерей, а Н.С. Хрущев обязал все органы власти проявлять максимальное внимание к реабилитированным. Решения исторического съезда не коснулись репрессированных народов. И подтверждение тому — расписка.

Не ярчайший ли это пример "двойной морали", которая затем обильно проросла в чиновниках и посейчас еще во многих сидит, что тебе сорняк, и мы не знаем, чем и как ее выкорчевать?..

Надо сказать, что к тому времени здоровье большинства высланных крымских татар было подорвано, но они не были сломлены психологически.. Несмотря ни на что, XX съезд партии, принятые на нем решения, в которых осуждалась идеология и практика сталинизма, не могли не вселить в сердца их надежду на лучшие времена. И действительно, не прошло и года, как сессия Верховного Совета СССР вынесла решение о восстановлении автономных республик и областей чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев и возвращении их с мест высылки на родину. Таким образом с этих народов было снять огульное обвинение в предательстве.

Возможно ли обычными словами передать, какое потрясение испытали крымские татары, месхетинские турки, немцы Поволжья, о судьбе которых в данном решении не было ни слова. "Почему?".. Неужели мы все еще под подозрением?" — задавался вопросом каждый. О том времени нынче толкуют всякое. Говорят, во время сессии, где обсуждались судьбы депортированных народов, когда зашла речь о крымских татарах, Н.С. Хрущев сказал: "Нецелесообразно иметь две татарские автономные республики". Отождествление татар и крымских татар, незнание руководителем великой страны существенной разницы между двумя братскими, но этнически отличающимися друг от друга народами обернулось для крымских татар трагедией — их изгнание с родины длится по сей день. Конечно, не могли не сыграть свою роль окружавшие Н.С. Хрущева недавние соратники Сталина, со Стороны которых, и это давно уже не секрет, он испытывал давление, которому не всегда был в силах противиться.

Таким образом, наступившая в стране "оттепель" мало что изменила в жизни крымских татар. Правда, многие ветераны войны стали получать своевременно не врученные им ордена. Не преувеличу, если скажу, что участников Великой Отечественной войны, не получивших

своих наград, более всего среди крымских татар. В хранящихся в архиве Министерства Вооруженных Сил их наградных листах значиться: "Награда не вручена за изменением места жительства", В Москве в то время жил крымский татарин, военный историк Сулейман Асанов. Много времени он посвятил работе с архивными материалами. В списках награжденных он отыскивал фамилии земляков и списки их отсылал для публикации в газету "Ленин байрагьы", которая к тому времени стала выходить в Ташкенте на крымско-татарском языке. Благодаря этому многие ордена и медали нашли своих хозяев, если, конечно, им было суждено до того времени дожить. Но кому-то из чиновников высокого ранга не понравился такой оборот дела. Как же так? Все делается для того, чтоб у населения республики формировалось мнение: "Если бы не были виноваты, то их бы тоже вернули", — а тут — ордена?.. И редактору газеты немедленно поступило негласное указание, запрещающее публикацию подобных списков.

"Узаконенные" дискриминационные меры не могли не вызвать у крымских татар тревоги за будущее. С первого дня выселения из Крыма и во все последующие годы они понимали историческую несправедливость всех государственных актов в отношении своего народа. Движение крымских татар за восстановление своего равноправия вызывает сочувствие и симпатии среди людей других национальностей. В нем стали принимать активное участие русские, украинцы, узбеки. Вместе с крымскими татарами ездили они в Москву в качестве представителей народа, писали от своего имени обращения в высшие органы власти. Начиная с 1956 года крымские татары пишут в ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, требуя возвратить их в Крым. Число коллективных обращений, индивидуальных писем и заявлений за это время достигло нескольких десятков тысяч, они подписаны практически всем взрослым крымско-татарским народом.

Одновременно с этим партийные и советские органы Узбекистана намеренно дезинформировали ЦК КПСС и его Политбюро, направляя в его адрес данные, искажающие действительное положение крымско-

татарского народа, приводя несуществующие факты, свидетельствующие об "укоренении" крымских татар на местах их насильственного поселения. Именно в этот период достигли зенита пресловутые методы "достижения успехов" рашидовых, адыловых и иже с ними. Сегодня, читая о ферганских событиях, мы воочию видим к чему привела такая идеологическая обработка общественного мнения.

Не дремало в то время и руководство Крымской области, выстраивающее всевозможные препятствия к возвращению крымских татар на родину. Для этого форсировалось заселение Крыма выходцами из Центральной России и Украины, полуостров преобразовывался так, чтобы татарам не оставить места.

Писателям, деятелям культуры и искусства крымско-татарского народа запрещалось в своем творчестве упоминать слова Крым, Черное море, названия родных деревень... Стало подвергаться сомнению само существование крымско-татарского языка...

...18 октября 1956 года исполнилось 45 лет принятия ленинского Декрета об образовании Крымской АССР.

Рабочая молодежь, студенты, некоторые представители крымско-татарской интеллигенции, принимавшие участие в движении за возвращение на родину, решили отметить этот день возложением цветов к памятнику В.И. Ленина. Тогда для такого мероприятия еще не надо было получать разрешения местных властей. Находился в этой группе и я, недавно закончивший Литературный институт имени А.М. Горького и приступивший к работе в редакции "Ленин байрагъы".

Самый лучший памятник вождю мирового пролетариата в Ташкенте возвышался на центральной площади, перед Верховным Советом и Советом Министров Узбекистана.

Жизнерадостные, празднично одетые парни и девушки с охапками ярких цветов пришли на площадь им. Ленина. Но с удивлением обнаружили, что огромный памятник огорожен со всех сторон плотным дощатым забором. А по обе стороны стоят пожарные машины и наряд милиции. Заподозрив неладное, мы остановились. Простояли минут десять-пятнадцать" разочарованные и расстроенные. К нам подошел лейтенант милиции, спросил: "Что стоите?" "Да вот, цветы принесли Владимиру Ильичу Ленину", — отвечаем. "Не видите, что ли, памятник на ремонте! Расходитесь!"" Вчера еще не был на ремонте". "Слишком умные! Поменьше рассуждайте!.."

Кто-то вспомнил, что есть еще один поменьше, памятник В.И. Ленину в сквере напротив Дворца текстильщиков.

Снова повеселели, втиснулись в подкативший трамвай. Однако всего через несколько минут его настиг экскорт мотоциклистов. Трамвай замер на остановке, а моторизованная милиция поддала газу и унеслась вперед. Мы направились к памятнику, но он оказался оцепленным таким же плотным, как тот забор, кольцом из мотоциклов и стоящих за ними милиционеров. "Разве нельзя возложить цветы?" — спросили мы.

"Вам нельзя!" — был ответ.

Девушки стали кидать цветы к подножью памятника через головы милиционеров. А парни, что поотчаяннее, с букетами прорвались сквозь цепь. Парней и девушек стали хватать и, выкручивая им руки, впихивать в откуда-то взявшиеся машины...

Состоялся суд. Многие получили по два-три года лишения свободы "за нарушение общественного порядка"...

... 5 сентября 1967 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР "О гражданах татарской национальности, проживающих в

Крыму", в котором особо подчеркивалось, что "огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживающих в Крыму, должны быть сняты, тем более, что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей".

Четверть века ждали крымские татары этого указа! Кроме снятия с народа сталинского обвинения, был обозначен, казалось бы, очень важный пункт, который гласил: "Разъяснить, что граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме".

Однако очень скоро радость народа сменилась разочарованием. Как позже выяснилось, Указ этот издан не для тех, кто стремился вернуться на родину, а для крымских властей, не желающих впускать туда крымских татар, и для местных рашидовских верноподданных, задавшихся целью под видом "национальных регионов" в Джизаке или Мубарекской пустыне привязать крымских татар к местам ссылки навечно. Оказывается, гораздо большую силу, чем сам Указ, имело принятое одновременно Постановление Президиума Верховного Совета СССР "О порядке применения (не отмены, а применения! — Э.А.) Ст.2 Указа от 28.1У.1956г., которым еще раз подтверждалось, что для крымских татар установлен особый паспортный режим и отмена обвинения не влечет за собой отмену наказания. Если раньше Указы гласили, что виноваты все без исключения, коль родились крымскими татарами, то теперь была внесена поправка — виноваты не все, но все должны нести наказание.

Не разобравшись в юридической казуистике Указа от 5 сентября 1967 года, многие истосковавшиеся по родине люди предприняли попытку переехать в Крым, купили там дома на правах личной собственности, но были встречены плотной стеной блюстителей закона от 28 апреля 1956 года. Сносились бульдозерами купленные дома, люди едва успевали выскочить, запахивались засеянные приусадебные

участки, многих грузили силком в автомашины, вывозили за пределы Крыма и сбрасывали в открытой степи, прямо в слякоть, в дождь, снег. Тысячи людей были вторично подвергнуты унизительному выселению из собственных домов. Они вынуждены были селиться в прилегающих к Крыму районах УССР и Краснодарского края РСФСР. Доведенный до отчаяния Муса Мамут покончил с собой, прибегнув к самосожжению...

В то же время, за период с 1967 г. по 1976 г. в Крым переселились только из Украины свыше 500 тысяч человек. Как в Крыму, так и в Узбекистане правоохранительные органы вооружены негласными инструкциями, циркулярами, указаниями, всякого рода секретными и несекретными переписками, которые, вместе взятые, являются не чем иным, как сводом антикрымско-татарских дискриминационных канонов. Творцы многих из них переселились уже в мир иной, но зато благополучно живут и успешно действуют их инструкции.

С древнейших времен, с зарождением человеческих обществ для регулирования отношений между людьми, установления привилегий одних и эксплуатации других разрабатывались законы, устанавливались табу. Свои законы имеют все религии и ежедневно священнослужители внушают их своей пастве. Законы непременно должны были знать все члены общества, все. Их тиражировали даже когда еще не было бумаги — на глиняных табличках, папирусах, изустно обнародовали глашатаи и проповедники. Их увековечивали, высекая на скалах, стеллах из базальта и гранита. Во все века законы были гласными. Законодатели ими гордились.

У нас есть Конституция СССР (Основной закон), которая провозглашена. А параллельно существуют указы, постановления, инструкции (гласные и негласные), которые строго исполняются, ибо обеспечиваются прокурорским надзором. За соблюдением же Конституции, к величайшему сожалению, нет пока официального надзора. Кому этим заниматься, если сам Генеральный прокурор издает антиконституционные негласные приказы, подобные этому:

"ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР № 54

От 9 ноября 1972 г.

г. Москва

Объявляя не подлежащий опубликованию указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г., предлагаю обеспечить надзор за его исполнением..."

Такими приказами сопровождались не подлежащие опубликованию Указы Президиума Верховного Совета СССР:

От 13 декабря 1955 г. — в отношении немцев и их семей.

От 22 сентября 1956 г. — в отношении бывших греческих граждан и турецких граждан и иранских подданных — лиц без гражданства.

От 28 апреля 1956 г. — в отношении крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей.

Постановление Совета Министров № 700 от 16 августа 1978 г. — подтверждающее, что все репрессивные акции против крымских татар были правомерны.

И десятки, сотни других указов, постановлений, инструкций, не ставших и поныне достоянием гласности, тем не менее обеспеченных прокурорским надзором.

Не благодаря ли подобным негласным деяниям чиновников высочайшего ранга государство наше перестало быть правовым?

Мы, наконец, дожили до Гласности. Задались благороднейшей целью сделать государство наше правовым, так, может быть, стоит начать с опубликования всех негласных указов, постановлений, инструкций, ограничивающих права и свободы граждан СССР по национальному или другому признаку? Опубликовать и немедленно отменить, как противоречащие Конституции СССР, а так же международным Пактам, подписанным нами? Именно в связи с принятием целого ряда античеловечных нормативных актов и инструкций национально-правовое положение крымских татар и сегодня мало изменилось. За 45 лет пребывания на местах выселения народ распался на разрозненные этнические группы, разбросанные по Средней Азии, Краснодарскому краю и югу Украины. Национальный язык, самобытная культура его находятся на грани исчезновения.

Среди сложнейших национальных вопросов, доставшихся стране в наследство от сталинской эпохи, бесспорно, одним из наиболее болезненных является судьба крымских татар и в целом будущее межнациональных отношений в Крыму. Лишь в самые последние годы вопрос этот стал, наконец, обсуждаться на страницах центральной прессы, популярных и научных изданий, местной крымской печати. Нельзя не признать, в Крыму сейчас немало делается для утверждения интернационалистских принципов. Развертывается лекционно-пропагандистская работа на основе объективного освещения межнациональных отношений. В газетах появляются материалы по истории Крыма, дающие принципиальную оценку необоснованной депортации целых народов в мае-июле 1944 года. В издательстве "Таврия" вышла брошюра "Крым многонациональный", в которой предпринята попытка по-новому, в духе современных демократических тенденций осветить сложные вопросы Крыма. Этому посвящаются передачи местного радио и телевидения. Идет работа по созданию краеведческого словаря "Крым". Стала еженедельно печататься маленькая газетка на крымско-татарском языке "Достлук" — приложение к "Крымской правде". Организуются факультативы по изучению крымско-татарского языка, он преподается в ряде школ. Словом, постепенно создаются условия для возрождения и нормального

развития национальной культуры крымских татар на их исторической родине. В Крымском обкоме КПУ создан сектор межнациональных отношений, координирующий эту работу.

Однако многое еще предстоит осмыслить, проанализировать. На многие вопросы ответить. Освободиться от фальсификации истории Крыма и крымских народов. Например:

В Симферополе в бывшем Семинарском саду на Пушкинской улице был воздвигнут памятник героям Гражданской войны, казненным белогвардейцами, на нем были высечены слова на крымско-татарском и русском языках: "Здесь похоронены члены Мусульманского коммунистического бюро при Крымском Окружном Комитете РКП/б/: Мидат Рефатов, Мурад Решид Асанов, Асан Иззет Урманов, Евгения Лазаревна Жигалина, Абдулла Мустафа Баличиев". Памятник был уничтожен фашистами. После войны восстановлен. Однако теперь на нем следующая надпись: "Героям, павшим за власть Советов в 1918-1920 гг. от комсомольцев г. Симферополя".

Еще пример. В запаснике Феодосийского краеведческого музея уже более 40 лет хранится бесценный экспонат. Строго-настрого запрещено его кому бы то ни было показывать — кем? — неизвестно. Это дверь одного из подвалов Судакского комбината, где в годы оккупации была тюрьма. 14 августа 1943 года руководитель подпольной организации Судака Мемеди Эмир Усеин перед казнью кровью своей написал на этой двери фамилии казненных фашистами патриотов. Вот они: С. Амет, С. Османов, К.И. Исмаил, Л.К. Кучук-Амет, Амир А., Амет И., А. Адаш, Мемеди Эмир, М.И., Амет Н., Абан, Банада Ю., Иса". В Судаке установлен памятник с надписью: "Они погибли в гестаповских застенках". Кто — они? Ни одного имени. Как же согласуется все это с нашим священным девизом "Никто не забыт, ничто не забыто"? Неужели слова эти касаются всех, кроме крымских татар?

Еще пример. 6 апреля 1988 г. в "Литературной газете" была опубликована статья Н. Ивиной "Зачем нам отреченье?". Автор ратует за

возвращение городам, селам, улицам старых имен, в которых запечатлена живая история. Воодушевленные поднятыми в упомянутой статье проблемами и происходящими в стране позитивными переменами, группа крымчан обратилась в Советских фонд культуры с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении прежних названий населенным пунктам Крыма, где в настоящее время насчитывается несколько Лазаревок, несколько Лесных, Зеленых, Приветных, Заветных, Счастливых /!/...

Фантазия тех, кто занимался переименованием татарских деревень, не отличалась богатством. Взамен старых, овеянных легендами или историческими событиями в жизни народа, они придумывали слепые и безликие — Цветочное, Изобильное, Тополевка и т.д., или производили кальки с татарских названий: Охотничье вместо Авджикой. Поворотное вместо Айланма, Ущельное вместо Дерекой, Красно-пещерное вместо Кызыл-Коба и пр.

Авторы этого письма в Советский фонд культуры ответа не получили.

Свою лепту в компрометацию крымских татар вносит и современное кино. Недавно телевидение предложило вниманию детей фильм "Иванко и царь Поганин", снятый на студии Укртелефильм режиссерами Б. Ниеберидзе и С. Дудкой по сценарию О. Туманова. В этом фильме ребенок видит сцены, почти все отснятые в Бахчисарайском дворце, видит героев, обряженных в национальные одежды крымских татар, которые способны творить только зло и обращаются друг к другу не иначе как "Поганый!" и "Поганый из поганейших!" Что хотят воспитать в детях авторы этого фильма, какие пробудить чувства?

А можно ли говорить о нравственности председателя Гаршинского сельсовета Сакского района Марченко после такого факта? Семья Сеитумеровых купила в поселке Гаршино дом. В Крым они приехали с больным ребенком, которому врачи рекомендовали поменять климат. Председельсовета Марченко отказал им в прописке. Вскоре ребенок

Сеитумеровых умер. И Марченко отказал им в праве похоронить ребенка — не выделил места на кладбище. "Откуда прибыли, туда и везите!" — был его ответ. Над убитыми горем родителями сжалился председатель соседнего сельсовета. Потрясает и сам этот факт, но еще более тот, что Марченко по сей день возглавляет Гаршинский сельсовет.

Возвращающиеся на родину крымские татары помимо экономических трудностей сталкиваются с целым рядом проблем, искусственно создаваемых местными властями. Руководители сельсоветов, совхозов и колхозов устанавливают всевозможные запреты на продажу им домов. В ряде случаев раздаются призывы вообще не продавать дома крымским татарам. Известны случаи, когда тех из местных, кто все же продает дома и собирается уехать из Крыма, обвиняют в "антипатриотизме". Во многих районах Крыма действует положение, согласно которому предприятия, принимающие на работу крымских татар, обязаны выплачивать районному или городскому совету по несколько тысяч рублей.

Более года работала Государственная комиссия, созданная в июле 1987 года "для рассмотрения комплекса вопросов, поднимаемых лицами из числа крымско-татарской национальности". Во главе ее был поставлен А. Громыко, один из представителей консервативного бюрократического аппарата, сформированного и насквозь пропитанного духом сталинско-брежневских времен, и в исходе работы ее мало кто сомневался. Комиссия, как и ожидалось, имитировала активную деятельность, создавая комиссии всюду, в том числе и в местах насильственного поселения крымских татар. В заключение такой "объективной" деятельности комиссии и "исходя из интересов всех народов", она решила, что восстановление автономии крымских татар нецелесообразно, поскольку в местах их нынешнего проживания им лучше, чем будет в Крыму, где тесно и имеются иные проблемы, разумеется, неразрешимые. Короче — да здравствует прозорливость и забота о крымско-татарском народе, проявленная "отцом народов"

товарищем Сталиным! Он предвидел, где крымским татарам будет житься лучше...

Если брать во внимание, что только за последние 20 лет в Крым в организованном (!) порядке переселено более полумиллиона человек: всех, кроме крымско-татарской национальности, что в 1988 году за 9 последних месяцев, например, только в Ленинском районе прописано 4855 приезжих, из них всего лишь 626 крымских татар, для которых родина неизменно начинается с мытарств, связанных с поисками жилища, с издевательств местных чиновников, от которых зависит прописка, то разглагольствования о равенстве интересов "всех проживающих в Крыму наций и народностей" отдает по меньшей мере цинизмом.

Нагнетается мнение о непреодолимости демографических, земельных и иных трудностей на пути решения крымско-татарской проблемы. Однако все они — эти утверждения и суждения – опровергаются экспертными оценками специалистов.

Современная плотность населения в Крыму — 93,6 человека на квадратный километр (данные 1987 г.). Для сравнения: в близкой к Крыму Донецкой области плотность населения составляет около 200 человек на квадратный километр, а в Ферганской долине (Андижанская, Наманганская и Ферганская области УзССР), где проживает сейчас основная масса крымских татар, — 370 человек на квадратный километр (!). Это в четыре (!) раза выше, чем в Крыму.

И здесь вырисовывается чрезвычайно любопытная, если не парадоксальная картина. В Ферганской долине сложилось самое критическое положение с избытком рабочих рук, в республике в целом насчитывается более миллиона безработных. Казалось бы, естественно и логично помочь крымским татарам, желающим выехать из республики, однако выезду крымских татар возводятся препятствия, а выехать из Узбекистана предлагается... узбекам. И куда? В нечерноземные области, опустошенные организованным переселением

коренного населения — русских — в Крым, на Кавказ, в Среднюю Азию из Центральной России. Здесь специально для узбеков предполагается создать новые совхозы, построить новые дома и поселки. В непривычных климатических условиях узбекские переселенцы выдерживают 2-3 года и — возвращаются на родину. Им можно возвратиться, а крымским татарам, месхетинским туркам, курдам, немцам... нельзя по сей день. Им пытаются заменить любовь к родине — "улучшением культурно-бытовых условий" их жизни.

Это — со стороны официальной власти, а вот со стороны народа, тех же узбеков, — гостеприимство ввиду дефицита жизнеустройства для своих детей, естественно и закономерно иссякает. И в результате мы получаем трагические Ферганские события... Но невзирая на все это — просьбы, мольбы, плач, трагедии как коренных, так и депортированных народов, в частности в Средней Азии — руководство страны гнет свою линию: оно никак не привыкнет считаться с интересами живых людей, слышать их голос, оно по инерции продолжают считать их неразумными пешками в своей высокоумной бесчеловечной политике...

Приведенные примеры — лишь малая толика из арсенала бюрократических уловок, которые используют узбекские, крымские и — будем честны — московские власти, готовые в любой момент заклеймить апартеид в расистской ЮАР или режим какого-нибудь очередного латиноамериканского диктатора, но считающие нормальным манипулировать судьбами советских народов.

Последний и самый веский аргумент тех, кто хотел бы оставить крымских татар без родины, состоит в том, что якобы, живущие в Крыму русские и украинцы не желают возвращения крымских татар!

И отправился я, где пешком, а где на попутках по крымским деревням. Встречался и разговаривал со своими земляками, которые кроме родного, владеют русским и украинским языками, беседовал с русскими и украинцами, многие из которых говорят и по крымско-татарски, с караимами, греками, армянами, старожилами Крыма. И

стало мне совершенно очевидно, что трактористу, виноградарю, птичнице, доярке, каменщику все равно, кто трудится с ними рядом, что не в национальности дело, а в совестливости и в трудолюбии. Истинному труженику любой национальности свойственно доброжелательство, благорасположение к другим народам. Это ценнейшее нравственное достояние заложено в гены крымских татар далекими предками, которые дорожили дружбой с другими народами едва ли не больше, чем мы, провозгласившие эту дружбу государственной политикой. Скажем, в Бахчисарае по сей день стоит здание средневекового университета — "Зынжырлы Медресе". В то далекое и мрачное в нашем представлении время в этом учебном заведении обучались представители разных народов и даже вероисповеданий. Они прекрасно владели языками друг друга и легко общались. Из стен "Зынжырлы Медресе" выходили служители всех культов: муллы — для мечетей, священники — для церквей, раввины — для синагог. Не знаю, есть ли еще где в мире аналог этому? Выпускники умели не только вникнуть в философию других религий, но и подружиться и затем нести своей пастве, как семена, добрые мысли о другом народе...

Теперь в этом уникальном памятнике человеческой дружбы и интеллектуального общежития находится... дом для умалишенных.

Нет, в Крыму не существует конфликта между татарами и живущими там людьми других национальностей, здесь налицо конфликт между власть предержащими и народом.

В большинстве своем население Крыма встречает возвращающихся на родину крымских татар доброжелательно. Десятки писем-обращений русских людей в высшие инстанции ходят по рукам, напоминая крымским татарам, что они не одиноки, что их поддерживают в их справедливой борьбе. Авторы их — рабочие, колхозники, писатели, ученые, инженеры, врачи — говорят о том, что нельзя более мириться с затянувшимся произволом, что в решении сложных социальных, экономических и экологических проблем Крыма должны принять

участие возвращенные на свои исконные земли крымские татары, что нужно как можно скорее снимать острые проблемы межнациональных отношений, чтобы враги перестройки, враги обновления страны не могли использовать их в своих неблаговидных целях. Беспокойство это далеко не беспочвенно.

Мне до сих пор становится не по себе и даже жутковато, когда вспоминаю Сообщение ТАСС, опубликованное 24 июля 1987 года во всех газетах Советского Союза. В нем исключительно крымским татарам приписывалось уничтожение других народов — русских, украинцев, евреев, греков, цыган. Для крымских татар оно прозвучало как гром среди ясного неба и вновь напомнило о печально известных временах. Инициаторы данного сообщения, как видно, предполагали поставить на место столь неумеренных в своих требованиях справедливости крымских татар, а заодно и одернуть кое-кого из представителей советской интеллигенции, набравшихся смелости подать в их защиту голос.

Не берусь первым комментировать давно знакомый всем способ, использованный при подаче "фактов", а лучше предоставлю сначала слово очевидцу событий, о которых идет речь в сообщении, человеку, который вместе с крымскими татарами пережил все ужасы фашистской оккупации — бывшей подпольщице Григорьевой Устьинье Парфеновне. По поводу упомянутого Сообщения ТАСС она адресовала Советскому правительству письмо.

"Прочитала в газете "Крымская правда" сообщение ТАСС и крайне удивилась тому, как в нем освещены события военных лет в Крыму. Я, старый человек, мне 76 лет. Вместе с тысячами людей оставалась в оккупации. Пережила все ужасы ее. Была арестована и находилась пять месяцев в тюрьме , каждый день ожидая расстрела. Оказавшись на свободе, принимала участие в подпольно-партизанском движении в Крыму. У меня до сих пор в памяти все детали жизни, и своей, и окружавших меня людей, в том числе и татар, со многими из которых я дружила и дружу по сей день.

В Крым я переехала в 1936 году из Ленинграда и сразу стала работать в планово-экономическом техникуме. Директором техникума был татарин, член партии, а я, русская, завучем и преподавателем. В техникуме училась молодежь всех национальностей: татары, русские, греки, армяне, евреи, караимы, украинцы. Среди молодежи не было намека на национальную рознь, вражду, особенно со стороны татарской молодежи. Все учились хорошо, принимали активное участие в общественной работе, самодеятельности. Правда, в 1937 году жизнь стала омрачаться исключением из техникума и комсомола студентов, у которых арестовывали родителей.

Так, первым был исключен брат председателя Совнаркома Самединова А., объявленного врагом народа, впоследствии посмертно реабилитированного. Мирную жизнь нарушила война. Техникум закрылся. Директора и молодежь призывного возраста призвали в армию, а с 31 октября началась оккупация Крыма. В сообщении ТАСС говорится, что при содействии немцев в Симферополе был созван мусульманский съезд, на котором было сформировано Крымское правительство во главе с ханом Асановым Белялом. Кто же это мог такое придумать и пропустить в печать? Из каких документов эти сведения были извлечены?

В первый же день оккупации и до последнего в Крыму и в Симферополе была установлена немецко-фашистская власть со всеми карательными органами и все должны были подчиняться этой и только этой фашистской власти. Был создан мусульманский комитет, который находился на ул. Пушкина, дом N 16. Известно, что после гражданской войны в Крыму оставалось много врагов Советской власти: буржуазные, татарские и украинские националисты, дашнаки, белогвардейцы, махновцы и др. Немецко-фашистский режим использовал в своих интересах все это отребье. Я не хочу защищать татар-предателей, карателей, но надо сказать, что сотрудничали с немцами не только татары, а и украинцы, и евреи, и люди других национальностей. Так, первой общиной была еврейская. Врачи-евреи оборудовали госпитали для раненых немцев, украинцы пошли служить в полицию, надели

черные шинели с зелеными обшлагами. Но об этом постоянно умалчивается.

Я не понимаю, почему такой сильный акцент дан в статье на враждебную деятельность татар-добровольцев. Мне кажется — только для того, чтобы в настоящее время, когда идет работа комиссии по возвращению татар в Крым, подогреть вражду ко всем татарам и не дать возможности правильно решить этот вопрос. В подтверждение я цитирую дословно из "Сообщения ТАСС": "в совхозе "Красный", например, преступники из 147-го и 152-го крымско-татарских батальонов соорудили печи, в которых круглосуточно сжигались живые люди".

Авторы текста, очевидно, не имели в виду, что есть живые свидетели, узники этого лагеря, которые отрицают наличие татарских печей, например: Мария Николаевна Кобзева, Гаврилова, г. Симферополь, ул. Гагарина, дом 33, кв. 50. Ольга Финк, адреса не знаю, живет в Симферополе и многие другие. На суде над предателями в 1972 и 1974 годах были раскрыты злодеяния охранников лагеря, но о подобном не говорилось. Уничтожение военнопленных, евреев, мирных жителей, угон в Германию и другие карательные действия приписываются только татарам. И этим усиливается вражда к татарам в настоящее время. Хотя все жители Крыма знают, кто осуществлял эти зверские операции.

В сообщении ТАСС и газете "Известия" ничего не говорится о том какое участие принимали татары в подпольно-партизанском движении. Сказано, правда, так скупо, что все тонет в черных красках. А ведь подпольем руководил в Симферополе Абдулла Дагджи, татарин, два с половиной года оккупации до трагической гибели его в конце 1943-го года. Он расстрелян немецкими карателями по доносу русской Зои Мартыновой. И на нас с мужем был сделан донос в ГПФ украинцем Прокопенко, бывшим махновцем. Вместе с Дагджи были расстреляны две его сестры, участницы подполья и мать. Расстреляли Гульзаде

Сафи, руководителя подпольной организации на кожзаводе. Многие, многие погибли в схватке со злейшим врагом — фашизмом.

Руководитель подпольной организации Абдулла Исмаилов в деревне "Сары Кият", у которого немцы расстреляли брата за то, что он отказался везти боеприпасы на Керченский полуостров, спас мне жизнь, укрыл у себя в доме до дня, когда я смогла уйти в лес. Спас еврея военнопленного Аркадия Лапскера, достал ему документы, по которым тот высвободился из лагеря. После войны Лапскер жил в Одессе. Можно было бы много привести примеров патриотической деятельности татарского населения.

Хорошо, допустим, татары провинились, но ведь карателями были и украинцы, и кубанские казаки, бежавшие с Кубани, и генерал Власов сдал армию и перешел на сторону фашистов.

Татары провинились и их без разбора выслали, а в чем провинились болгары и греки? И кто перед ними провинился? Сейчас надо не взвинчивать людей и не натравлять их друг на друга, а правильно освещать положение данного дела.

А у нас митингуют после сообщения ТАСС и посылают протесты в Москву против возвращения татар в Крым.

Август 1987 г.

Бывшая партизанка-подпольщица ГРИГОРЬЕВА У П."

Было бы грех отрицать, что среди крымских татар, как и среди других, оказавшихся в оккупации народов, были националисты, лица, "обиженные" на Советскую власть, да и просто уголовные элементы, которые пошли на службу к оккупантам. Определенные компетентные органы нашего государства знают их всех поименно, располагают списком всех лиц, из которых формировались гитлеровцами упомянутые

в Информации батальоны и роты, и прекрасно осведомлены, что подразделения эти состояли менее, чем на треть из татар, хотя и именовались "татарскими".

А также имеются показания свидетелей и обвиняемых двух судов, состоявшихся на территории совхоза "Красный" в 1972 и 1974 годах, подробно публиковавшиеся тогда в печати. И, как замечает в своем письме Устинья Парфеновна, в них и упоминания не было о печах, "в которых круглосуточно сжигались живые люди..." А такой факт вряд ли мог остаться без внимания.

При желании быть объективными авторы информации ТАСС от 24 июля 1987 года могли бы быть таковыми. Они же предпочли вновь извлечь на божий свет "компромат" из захороненных, казалось бы, архивов Берии, сфабрикованных в свое время его подручными для оправдания, "узаконивания" античеловеческой акции по выселению и уничтожению целых народов, не имевшей во всем мире аналогии.

В Крыму действительно создавались "отряды самообороны" для борьбы с партизанским движением. Формировались они в местах, где жили люди различных национальностей, и включались представители разных народов. "Самооборонцы" Бия-Салы, Ново-Бодрака, Буры, Тернаира, Тавеля и других русских сел, конечно, состояли, в основном, из русских; украинских сел Соловьевка, Константиновка, Мусаби — из украинцев; крымско-татарских деревень Корбек, Молбай, Улу-Узень — из крымских татар и т.д. Распространению "отрядов самообороны" в определенной степени способствовали "ошибки" некоторых руководителей партизанского движения Крыма (Мокроусова, Мартынова), которые "грабеж продовольственных баз партизан фашистами рассматривали как мародерство со стороны местного населения и любого попавшего в лес гражданина расстреливали" (протокол заседания бюро Крымского обкома от 18 ноября 1943 года).

Что же касается добровольческих батальонов и рот, необходимо сказать следующее. Авторы Сообщения, доверяя всецело "материалам",

оставленным Берией, даже не удосужились заглянуть в документы научного архива Института истории АН СССР. А из них явствует, что в 1942 —1943 годах в Крыму насчитывалось около 30 тысяч "добровольцев", в том числе двенадцать власовских батальонов, закавказский полк "Бергман", казачий полк, туркестанский, армянский, грузинский, кавказско-магометанский легионы, несколько полицейских батальонов, набранных из татар /как крымских, так и поволжских, и прибывших с румынами из Добруджи/, русских, украинцев, армян, болгар, греков и других крымчан, а также военнопленных и иных лиц.

Словом, налицо новая попытка всех коллаборационистов Крыма выдать за крымских татар. Вали, мол, на серого!..

По данным западногерманских историков, до марта 1942 года нещами было набрано в Крыму среди татар 1632 "добровольца", но даже эти далеко не все были крымскими татарами. Так называемые "татарские добровольческие формирования" пополнились затем 4000 военопленных, среди которых были как татары, так и представители других народностей, чаще из числа мусульман. Причем командирами в них были только немцы.

Из Сообщения следует, что, якобы, "после оккупации Крыма при содействии немцев в Симферополе был созван мусульманский съезд, на котором сформировано крымское правительство во главе с ханом Асановым Белялом." Мягко говоря, и это — неправда. Не было ни съезда, ни крымского правительства, ни человека (еще и хана!) с таким именем. В Крыму даже не было пресловутого общекрымского "мусульманского комитета", а функционировали лишь городские и районные (в местах проживания татар, турок и других мусульман). Что же касается принудительных мер в отношении населения, то этим в Крыму занимались гражданские власти — городские управы, возглавляемые бургомистрами. Бургомистром же Симферополя был Севостьянов, Севастополя — Супрягин, Керчи — Токарев, Феодосии — Анджевский, Ялты — Мальцев, Джанкоя — Польский, Евпатории — Епифанов, Старого Крыма — Арцышевский. Полицмейстерами в этих

городах так же были не татары. Этот список показывает, в чьих руках фактически была гражданская власть в Крыму в годы оккупации.

В Сообщеннии сказано, что были "выжжены населенные пункты вблизи лесных массивов и истреблены их жители. Так была создана "мертвая зона" вокруг партизанских отрядов". Да, это действительно так, что было, то было. Каратели уничтожили более 70 крымских деревень. Но в Сообщении отсутствует весьма существенная деталь — не сказано, чьи это были деревни. А были они чисто татарскими. И проживало в них более 25% от общей численности татар в Крыму. В этих деревнях, расположенных в горах и лесной глуши, жили только крымские татары. И истреблены были эти деревни карательными отрядами, состоящими из гитлеровцев.

В наше время, когда провозглашено восстановление изрядно пошатнувшихся устоев нравственности, и народы страны обрели новые и вполне реальные возможности в реализации своих давних надежд, тема крымских татар перестала быть запретной, и люди постепенно стали узнавать об их истинной, а не фальсифицированной роли в Великой Отечественно войне. Информация ТАСС от 24 июля 1987 года, в которой так произвольно, так по-сталински, по-бериевски перетасовываются факты и все ставится с ног на голову, прозвучала неким диссонансом и не могла не вызвать возмущения крымско-татарското народа, который уже почти полстолетия вынужден опровергать свою злонамеренно искаженную репутацию, очищать от клеветы свою честь...

... Время сделало людей зорче. Они внимательно приглядываются друг к друг, выясняют кто есть кто на самом деле, а не словах. Пришла пора сказать правду и о репрессированных народах, в числе которых вот уже полвека страдает ни в чем неповинный крымско-татарский народ. Никакие успехи перестройки не станут действительными успехами до тех пор, пока не будут по справедливости решены вопросы о полном оправдании, о возвращении на родную землю, о возмещении морального ущерба оскорбленным и оклеветанным, ограбленным и

преданным физическому геноциду советским народам, а в их числе крымским татарам.

Москва, 1990